

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра классической филологии

Методика преподавания латинского языка
и дисциплин классического цикла

Материалы Межуниверситетского круглого стола
Минск, 24 января 2024 г.

Минск
2024

УДК 811.124(072)(06)
М 545

Решение о депонировании вынес:
Совет филологического факультета
Протокол № 7 от 29 февраля 2024 г.

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук, доцент А. В. Кириченко – отв. ред.;
старший преподаватель Д. Г. Минкевич.

Рецензенты:
Д. Н. Гомон, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической
филологии филологического факультета БГУ;
С. С. Хоронко, кандидат филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой русского языка и культуры речи УО «Военная академия
Республики Беларусь».

Методика преподавания латинского языка и дисциплин классического цикла : материалы Межуниверситетского круглого стола, Минск, 24 января 2024 г. / БГУ, Филологический фак., Каф. классической филологии ; [редкол.: А.В. Кириченко (отв. ред.), Д.Г. Минкевич]. – Минск : БГУ, 2024. – 92 с. : ил. – Библиогр. в тексте.

В сборнике представлены материалы Межуниверситетского круглого стола «Методика преподавания латинского языка и дисциплин классического цикла», который состоялся 24 января 2024 г. на филологическом факультете БГУ. Материалы охватывают широкий спектр вопросов, касающихся преподавания древнегреческого и латинского языков, особенностей перевода текстов с классических языков, подготовки преподавателей латинского языка, а также рецепции античной культуры.

Сборник адресуется преподавателям латинского и древнегреческого языков, студентам специальности «Классическая филология» и всем интересующимся вопросами методики преподавания классических языков и античности.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гарник А. В.</i> Трудности перевода при чтении древнегреческих авторов	4
<i>Капитула Л. С.</i> Сравнительный семантический анализ медицинских терминов с элементами <i>micr-, olig-, huro-</i> в латинской и французской терминосистемах	10
<i>Кириченко А. В.</i> Фитонимы в Новом Завете: семантический и переводческий аспект	15
<i>Круглик Н. А.</i> Использование системы moodle в процессе подготовки электронных учебно-методических комплексов по медицинской латыни	21
<i>Литинская Е. П.</i> Латинский язык в научно-исследовательской работе филологов-классиков Петрозаводского государственного университета	25
<i>Мінкевіч Д. Г.</i> Аптымізація метадычнага забеспячэння студэнтаў спецыяльнасці «Класічная філалогія»	31
<i>Мокрицкая Т. П.</i> Дифференциация клинических терминологических элементов <i>chole-, chyl-, -chylia</i>	33
<i>Мушнина Л. Н.</i> Классические языки и античная культура в педагогическом вузе: от спецкурсов к факультативу (из опыта работы)	37
<i>Протасевич Н. В.</i> Латинский язык и классы химико-биологического профиля средней школы	42
<i>Ромашкевичус С. К.</i> О лексико-семантической дифференциации перевода на латинский язык русских гистологических терминов	46
<i>Сединина-Барковская Ю. А.</i> Античная мифология в современном нейминге	50
<i>Скоропадская А. А., Бубнова А. А., Машакова Е. О.</i> Терминологический аспект первичного усвоения классических языков	55
<i>Стриго Е. В.</i> Словообразовательная активность префиксальных элементов латинского происхождения <i>супер-</i> и <i>супра-</i> на рубеже XX–XXI вв.	65
<i>Цисык А. З.</i> Античная и ренессансная семантика смеха и вина в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»	71
<i>Цисык А. З.</i> Понятийно-словесное выражение смеховых видов древнегреческого художественного творчества и его европейская рецепция	80
<i>Наши авторы</i>	91

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПРИ ЧТЕНИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ

Гарник А.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются способы передачи древнегреческого прилагательного $\gamma\lambda\alpha\varphi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ в сочетании с существительными $\eta\ \nu\alpha\upsilon\varsigma$ – *корабль*, $\tau\acute{o}\ \sigma\pi\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ – *пещера*, $\eta\ \pi\acute{\epsilon}\tau\rho\eta$ – *скала*, $\acute{o}\ \lambda\iota\mu\acute{\eta}\nu$ – *гавань, залив*, $\eta\ \phi\acute{o}\rho\mu\iota\gamma\acute{\xi}$ – *лира, арфа* в переводах поэм Гомера на русский язык, а также приводятся для сравнения переводы на украинский, польский и немецкий языки.

Ключевые слова: прилагательное, $\gamma\lambda\alpha\varphi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, перевод, поэма, Гомер, Илиада, Одиссея, пещера, корабль, залив, скала.

Опыт работы по чтению классических авторов и, в частности, Гомера, показывает, что перевод некоторых, на первый взгляд простых и понятных, слов в сочетании с другими словами может вызвать трудности в подборе подходящего выражения.

Так при чтении поэм Гомера со студентами специальности «Классическая филология» возник вопрос, как точно передать значение прилагательного $\gamma\lambda\alpha\varphi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ в некоторых встречающихся сочетаниях. При этом значение самого прилагательного вполне очевидно и имеет прозрачную внутреннюю форму. Все древнегреческо-русские словари дают одинаковый перевод:

1. Гомеровский словарь Вл. Краузе [9]: $\gamma\lambda\alpha\varphi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, 3 – (лат. *cavus*) пустой, чреватый, полый (эп. ладьи, пещеры, скалы).

2. Словарь А.Д. Вейсмана [1]: $\gamma\lambda\alpha\varphi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, 3 – выдолбленный, выпуклый ($\nu\alpha\upsilon\varsigma$, $\sigma\pi\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$).

3. Словарь И.Х. Дворецкого [8]: $\gamma\lambda\alpha\varphi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, 3 – выдолбленный, пустотелый, полый ($\nu\alpha\upsilon\varsigma$, $\sigma\pi\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$).

Прилагательное производно от глагола $\gamma\lambda\acute{\upsilon}\phi\omicron$ – выдалбливать, вырезать (на камне, дереве и т.п.), и таким образом семантика прилагательного содержит значение «*что-то, имеющее в себе полость, пустоту*».

Позже у прилагательного, по свидетельству двух последних словарей, развилось значение «*гладкий, полированный, изысканный*». В связи с такими значениями И.Х. Дворецкий ссылается на Аристотеля и Плутарха.

По данным *Lexicon Homericum* Эбелинга [10], это прилагательное сочетается в поэмах Гомера с пятью существительными: $\eta\ \nu\alpha\upsilon\varsigma$ – *корабль*, $\tau\acute{o}\ \sigma\pi\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ – *пещера*, $\eta\ \pi\acute{\epsilon}\tau\rho\eta$ – *скала*, $\acute{o}\ \lambda\iota\mu\acute{\eta}\nu$ – *гавань, залив*, $\eta\ \phi\acute{o}\rho\mu\iota\gamma\acute{\xi}$ – *лира, арфа*.

Значение словосочетаний прилагательного γλαφυρός с каждым из этих существительных понятно и объяснимо, но появляется проблема со стилистической окраской: буквальный перевод выглядит не очень поэтично. Таким образом, возник вопрос о способе передачи таких словосочетаний в существующих русских переводах поэм Гомера. Для сравнения были использованы переводы на некоторые другие языки (немецкий, польский и украинский).

В работе использованы следующие переводы поэм Гомера:

– на русский язык: Илиада – переводы Н.И. Гнедича [4]; В.В. Вересаева [3]; Н.М. Минского [2]. Одиссея – переводы В.А. Жуковского [4]; В.В. Вересаева [3]; П.А. Шуйского [6]:

– на украинский язык: Илиада и Одиссея – перевод Бориса Тена [5], [7];

– на польский язык: Одиссея – перевод, который выполнил L. Siemieńskij [11]. Илиада – F.K. Dmochowski [12];

– на немецкий язык: Одиссея – перевод, который выполнил Johann Heinrich Voss [13].

Рассмотрим теперь примеры употребления таких сочетаний в поэмах Гомера. И начнем с наиболее часто встречающихся сочетаний прилагательного γλαφυρός, а именно с существительными ναῦς и πλέος.

...νηυσὶ δ' ἐνὶ γλαφυρῆσιν ὑπὸ ζυγὰ δῆσα ἐρύσσας (Od., IX, 99):

...к нашим судам притащив, повелел я крепко их там привязать к корабельным скамьям (В.А. Жуковский);

...и в кораблях наших полых (В.В. Вересаев);

...плачущих их назад на суда притащил я насильно (П.А. Шуйский);

...міцно зв'язав їх і кинув під лави на суднах доладних (Б. Тен);

...przywlec na okręta, gdzie do ław ich przykuto (L. Siemieńskij);

...warf sie unter die Banke der Schiff' und band sie mit Seilen (J. Voss).

В Одиссее многократно встречается это сочетание в таком виде: ἐν νηυσὶ γλαφυρῆσιν (Od., 3, 287; Od., 4, 513) – на своих кораблях крутобоких (В.А. Жуковский, Od., 3, 287) – он с кораблями достиг (В.А. Жуковский, Od., 4, 513) – на судах кривобоких (П.А. Шуйский, Od., 3, 287) – на судах углубленных (П.А. Шуйский, Od., 4, 513) – на кораблях він доладних (Б.Тен, Od., 3, 287) – і в доладних суднах (Б. Тен, Od., 4, 513) – Seine gerüsteten Schiffe (Voss, Od., 3, 287) – Samt den gebogenen Schiffen (Voss, Od., 4, 513).

В немецком переводе в первом случае определение к существительному Schiffe (корабли) представляет собой причастие, образованное от глагола rüsten (снаряжать), т.е. буквально «снаряженные корабли», а во втором – от глагола biegen (гнуть, сгибать), т.е. «изогнутые корабли».

Такое же сочетание часто встречается и в Илиаде. Например:

1) ...τοῖσι δ' ἄφαρ πόλεμος γλυκίων γένετ' ἠὲ νέεσθαι

ἐν νηυσὶ γλαφυρῆσι φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν. (Il., 453-454);
 ...всем во мгновение война им кровавая сладостней стала,
 чем **на судах** возвращенье в любезную землю родную (Н.И. Гнедич);
 ...чем возвращение **в полых судах** в дорогую отчизну (В.В. Вересаев);
 ...**на кораблях углубленных** (Н.М. Минский);
 ...ніж **в кораблях глибодонних** до рідного краю вертатись. (Б. Тен);
 2) ...νηυσὶν ἔπι γλαφυρῆσιν ἐλαυνέμεν· αὐτὰρ ὁ γ' ἦρωσ (Il., 5, 327);
 ...гнать повелев **к кораблям мореходным** (Н.И. Гнедич);
 ...чтобы отвел их **к судам углубленным** (Н.М. Минский);
 ...щоб до **човнів** той одвів **крутобоких** (Б. Тен).

Таким образом, авторы переводов используют различные способы отражения данного сочетания, начиная от полного отсутствия определения до употребления прилагательных или причастий, в разной степени передающих семантику греческого прилагательного.

Вторым по частоте употребления в сочетании с прилагательным γλαφυρός является существительное σπέος. Множество примеров этого есть и в Илиаде, и в Одиссее. Но в последней поэме они преобладают: ἐν σπέσσι γλαφυροῖσι (Od., I, 14-15) – в **гrote глубоком** (В.А. Жуковский, В.В. Вересаев, П.А. Шуйский) – в **гrotі глибокім** (Б. Тен) – w **skale wydrążonej** (L. Siemieńskij) – in **der gewölbeten Grotte** (J. Voss)

Все переводчики, за исключением польского, передают греческое существительное как *grot*. Они почти так же единодушны в употреблении определения. Существительное skała (*скала, утес*) в польском переводе не соответствует значению греческого слова, а его определение достаточно точно передает семантику прилагательного γλαφυρός: wydrążony значит «выдолбленный». Определение в немецком переводе производно от глагола wölben, который имеет значение «образовывать свод».

Это же выражение возможно и с другими предлогами и в других падежах. Например: ἐκ δ' ἐλθὼν κοιμάται ὑπὸ σπέσσι γλαφυροῖσιν (Od., 4, 403) – отдыхать он ложится **в пещере глубокой** (В.А. Жуковский) – спать он ляжет **в пещере глубокой** (П.А. Шуйский) – і спати лягає **в глибокій печері** (Б. Тен) – in **überhängenden Grotten** (J. Voss).

В обоих русских и украинском переводах эквивалентом γλαφυρός служит прилагательное *глубокий*, которое в сочетании с существительным *пещера* достаточно точно воспроизводит смысл греческого текста. В немецком переводе употреблено причастие от глагола überhängen – «выступать, нависать».

ἡ δ' αὐτοῦ τετάνυστο περὶ σπέιους γλαφυροῖο (Od., 5, 68) – стены **глубокого грота** (В.А. Жуковский) – **возле пещеры** самой (В.В. Вересаев) – **кругом глубокой пещеры** Калипсо (П.А. Шуйский) – **навколо печери глибокої** (Б. Тен) – wszedł **do piękniej sklepionej pieczary** (L. Siemieńskij) – **um die gewölbte Grotte** des Felsens (J. Voss).

Как видим, и в данном случае определением в русских и украинском переводах является прилагательное *глубокий*, в то время как польский и немецкий переводы используют другие варианты. В польском переводе используется прилагательное *skleriony*, которое в современных словарях переводится как *выпуклый*. Более соответствует контексту однокоренное прилагательное *sklerieniowy*, что значит *сводчатый*. Но, очевидно, оно плохо вписывалось в стих. В немецком же переводе мы опять видим причастие, на этот раз от глагола *wölben* – «образовывать свод».

...ἐλθόντες δ' ἄρα τὸ γε **μυχῷ σπείους γλαφυροῖο** (Od., 5, 226);

...**во внутренность грота** они удалившись (В.А. Жуковский);

...оба **в пещеру** вошли, **в уголок** удалившись **укромный** (В.В. Вересаев);

...**в самую внутренность грота глубокого** оба проникли (П.А. Шуйский);

...вдвох **під склепіння печери глибокої** разом зайшовши (Б. Тен);

...zur **Kammer der schöngewölbeten Grotte** (J. Voss).

В этом стихе родительный падеж рассматриваемого сочетания зависит от существительного *μυχός* – «внутренняя часть, внутренность». Переводчики прибегают к различным способам передачи смысла этого выражения. При этом в переводах В.А. Жуковского и В.В. Вересаева прилагательное *γλαφυρός* вообще опускается, в двух других славянских переводах оно передается прилагательным *глубокий*, а в немецком – опять причастием от того же глагола *wölben*, но с приставкой, образованной от прилагательного *schön* – «красивый».

Сочетания с тремя оставшимися существительными являются в поэмах менее частотными. При этом их примеры можно обнаружить и в Илиаде, и в Одиссее:

1)...ἤϊτε ἔθνεα εἴσι μελισσάων ἀδινάων

πέτρης ἐκ γλαφυρῆς αἰεὶ νέον ἐρχομέναων (Il., II, 87-88);

...словно как пчелы, **из горных пещер** вылетая роями, мчатся густые, всечасно за купою новая купа (Н.И. Гнедич);

...так же, как пчелы, **из горных пещер** вылетая роями, без перерыва несутся, – за кучею новая куча (В.В. Вересаев);

...точно как пчелы весной **из пещеры в скале** вылетают (Н.М. Минский);

...так, наче бджоли тривожні з **ущелин між скель кам'янистих** (Б. Тен);

...jako wychodzą pszczoły **z wydrażonej skały** (F.K. Dmochowski);

2)...**πέτρη ὑπο γλαφυρῆ** εὔδον, Βορέω ὑπ' ἰωγῆ (Od., 14, 533);

...спали **под сводом скалы** (В.А. Жуковский);

...спали **под сводом скалы** (В.В. Вересаев);

...к **ущелью глубокому** (П.А. Шуйский);

...під скелю навислу укрившись (Б. Тен);
...**pod wiszarem ustronnym** (L. Siemieńskij);
...**unter dem Hange des Felsen** (J. Voss).

В русских переводах выделяется вариант П.А. Шуйского, употребившего в данном случае лексему *ущелье*, которая, хотя и не соответствует словарным значениям существительного *πέτρη*, тем не менее входит в семантическое поле *горная местность*. Остальные переводы, за исключением польского, практически идентичны с некоторыми вариациями. Польский перевод передает только общий смысл контекста, но употребляет другой образ: *wiszar* – это «чаща, заросли», *ustronny* – «уединенный, укромный, обособленный», т.е. буквальный перевод с польского «в укромных зарослях».

Для сочетаний прилагательного *γλαφυρός* с существительным *ὁ λιμὴν* словарь Дворецкого предлагает перевод «глубокая гавань, укрытая бухта», который отражен только в украинском переводе: *στήσαμεν ἐν λιμένι γλαφυρῷ ἐνεργέα νῆα* (Od., 12, 305) – в заливе острова тихом (В.А. Жуковский) – корабль свой ввели мы в залив, окруженный скалами (В.В. Вересаев) – в гавань причалили мы хорошо оснащенное судно (П.А. Шуйский) – в затишну бухту поставили свій корабель ми доладний (Б. Тен) – *wciągneliśmy łódź naszą w wydrażenie skały* (L. Siemieńskij) – *landeten wir in der Bucht mit dem starkgezimmerten Schiffe* (J. Voss).

Другие переводы или игнорируют вообще определение, или передают образ другими средствами, как например, В.В. Вересаев или польский переводчик: «в углубление скалы».

Последнее существительное, встречающееся в сочетании с прилагательным *γλαφυρός*, ἢ φόρμιγξ обозначает «лира, арфа» и в семантическом плане не имеет ничего общего с остальными существительными. Их всех объединяет только представление об объекте, имеющем внутри какую-то полость, пустоту. Но в переводах это представление чаще всего никак не отражается, а все определения в основном характеризуют музыкальный инструмент с точки зрения звучания:

- 1)...οἷσων **φόρμιγγα γλαφυρῆν** δόμου ἐκ βασιλῆος. (Od., 8, 257);
...пошел во дворец за желаемой лирой (В.А. Жуковский);
...в дом басилея идти за **формингою** звонкой (П.А. Шуйский);
...щоб **формінгу** дзвінку принести (Б. Тен);
...**po forminę** dźwięczną a ucieszną (L. Siemieńskij);
...**Die klingende Harfe** zu holen (J. Voss).
- 2)...στήτην ἐρχομένω, περὶ δέ σφεας ἤλυθ' ἰωή
...**φόρμιγγος γλαφυρῆς** (Od., 17, 262)
...струны цитры глубокой (В.А. Жуковский)
...звуки полой **форминги** (В.В. Вересаев)

...звучи кругом раздавались **форминги звонкой** (П.А. Шуйский)

...**формінги дзвонистої** звуки (Б. Тен)

...**I formingi granie** słyszą (L. Siemieńskij)

...**Den hohlen Harfe** Getön (J. Voss)

Как видно, буквальное значение прилагательного воспроизводят переводы В.В. Вересаева и И. Фосса (*hohl* – «пустой, полый»). А в первом отрывке в польском переводе добавлено еще и определение *ucieszna* что значит «смешная, забавная».

Таким образом, сравнение переводов показывает, что и профессиональные переводчики затрудняются выбрать какой-то однозначный вариант передачи прилагательного *ὑλαφύρός* в сочетании с указанными существительными. Хотя, естественно, в этом случае задача осложняется еще и необходимостью соблюдать размер. Тем не менее есть примеры, когда переводчик переводит прилагательное соответственно с его словарным значением, но это происходит достаточно редко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейсман, А.Д.. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 года. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2011. – 1370 с.
2. Гомер. Илиада. Перевод Н.М. Минского. Редакция и вступительная статья П.Ф. Преображенского. – М., 1935. – 354 с.
3. Гомер. Илиада; Одиссея: [Поэмы]. Перевод В.В. Вересаева. – М.: Просвещение, 1987. – 398 с.
4. Гомер. Илиада; Одиссея: [поэмы]. Переводы Н.И. Гнедича, В.А. Жуковского. – Москва: Художественная литература, 1967. – 765 с.
5. Гомер. Іліада. Пер. із старогрец. Борис Тен. – К.: Дніпро, 1978. – 431 с.
6. Гомер. Одиссея. Перевод П.А. Шуйского. – Свердловск: типолaborатория Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1948. – 424 с.
7. Гомер. Одиссея. Пер. із старогрец. і склав примітки та словник Борис Тен. – К.: Дніпро, 1968. – 462 с.
8. Древнегреческо-русский словарь (в 2-х т.) / составил И.Х. Дворецкий. – М. Гос. изд-во иностранных и нац. словарей. – 1958. – 2 т.
9. Краузе, В.М.. Гомеровский словарь: К «Илиаде» и «Одиссее». Репринт издания 1880 г. – М.: URSS. – 2018. – 274 с.
10. Ebeling, H. Lexicon Homericum. – Режим доступа: <https://archive.org/details/lexiconhomerico1ebelgoog/page/91/mode/2up>. – Дата доступа: 21.01.2024.
11. Homer. Odysseja. Przekład L. Siemieńskiego. – Warszawa, Nakład Gebethnera i Wolffa, 1895. – 524 str.
12. Homer. Iliada. – 4-e wyd., przejrzane. – Kraków: Nakładem Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1927. – 388 str.
13. Homers Odyssee. Übersetzt von Johann Heinrich Voss. – Режим доступа: <https://archive.org/details/homersodysseebe01homegoog/page/n14/mode/2up>. – Дата доступа: 21.01.2024.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ С ЭЛЕМЕНТАМИ MICR-, OLIG-, HYPO- В ЛАТИНСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ

Капитула Л.С.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы семантических отношений между дуплетными элементами *micr-*, *olig-*, *hypo-* в латинской и французской медицинской терминологии.

Ключевые слова: медицинская терминология; терминологический элемент; сравнительный анализ; семантика; синонимия.

Вопросы семантических отношений между дублетными элементами в латинской медицинской терминологии неоднократно рассматривались многими лингвистами. Однако проблема употребления близких, а иногда и идентичных по значению терминов и терминологических элементов (ТЭ) остается нерешенной до настоящего времени. В рамках нашего исследования речь пойдет о семантической дифференциации медицинских терминов с элементами *micr-*, *olig-* и *hypo-*.

Источником для отбора лексического материала послужил «Энциклопедический словарь медицинских терминов» [3; 4; 5]. Нами выявлено 152 термина с ТЭ *micr-*, 38 терминов с ТЭ *olig-* и 167 терминов с ТЭ *hypo-*. Всего: 357 лексических единиц (ЛЕ).

Анализ лексического материала показал, что элемент *micr-* (от греческого *micros* ‘малый’) используется как составная часть сложных слов, означающая ‘малый, относящийся к очень малым предметам или величинам’ [4, с. 177]. Чаще всего он встречается в латинской клинической терминологии (100 терминов из 152). Клинические термины с ТЭ *micr-* обозначают преимущественно аномалии развития (26 ЛЕ), например: *microglossia* ‘микроглоссия, малые размеры языка’; *microgastrica* ‘микрогастрия, малые размеры желудка’; *microsplenia* ‘микроспления, малые размеры селезенки’ и др., а также методы исследования с помощью микроскопа (18 ЛЕ), например: *microangiographia* ‘микроангиография, метод рентгенологического исследования, заключающийся в рентгенографии тонких срезов органов или тканей с последующим изучением снимков под микроскопом’; *microlaryngoscopy* ‘микрларингоскопия, осмотр гортани с применением операционного микроскопа’ и др. Остальные анализируемые нами клинические термины с ТЭ *micr-* обозначают различные поражения либо мелких органов (*microangiopathy* ‘микроангиопатия, общее название поражений мелких кровеносных сосудов’), либо разного рода микроскопические образования в организме (*microlithus* ‘микролит,

конкремент небольших размеров'), либо операции на малых анатомических структурах часто с использованием оптических средств (*microlaparotomia* 'микрولاпаротомия, вскрытие брюшной полости через небольшой разрез'), а также микротравмы, заболевания, отклонения от нормы, расстройства (*micronecrosis* 'микронекроз, очаг некроза микроскопических размеров'; *microinsultus* 'микроинсульт, инсульт, обусловленный мелкоочаговым кровоизлиянием'; *micropsia* 'микропсия, расстройство зрения, при котором размеры видимых предметов кажутся меньшими' и др.). Однако в этом ряду встречается термин *microphonia* 'микрофония, т. е. слабость голоса', в котором элемент *micr-*, по нашему мнению, не соответствует указанному выше значению 'малый по размеру'.

Кроме латинской клинической терминологии элемент *micr-* широко используется в других медико-биологических терминосистемах (30 ЛЕ), большинство из которых принадлежат микробиологии, биологии, цитологии. Например: *micrococci* 'микрোকки, род бактерий, клетки которых шарообразной формы и мельче других кокков'; *microvilli* 'микровиллы или микроворсинки, высота цитоплазмы на поверхности клеток которых обнаруживается при электронной микроскопии'; *microorganismi* 'микроорганизмы, общее название всех мельчайших организмов, видимых лишь в микроскоп' и др. Один из исследуемых терминов относится к области фармации: *microcapsulatio* 'микрокапсулирование, заключение в оболочку очень малого количества лекарственного вещества', в котором, на наш взгляд, элемент *micr-* указывает не на малый размер, а на малое количество, чему соответствует совсем другой ТЭ *olig-*.

Наконец, 22 термина с ТЭ *micr-* (из 152 анализируемых ЛЕ) – это названия различных лабораторных приборов, приспособлений, устройств, инструментов и медицинской техники. Например: *microscopium* 'микроскоп, оптический прибор для наблюдения малых объектов, невидимых невооруженным глазом'; *microtomum* 'микротом, аппарат для получения срезов ткани с целью гистологического исследования'; *microcauter* 'микрокаутер, микроинструмент в виде стеклянной трубки для точечного прижигания тканей' и др.

Элемент *olig-* (от греч. *oligos* 'малый, немногочисленный, незначительный') используется как составная часть сложных слов, означающая 'малый, недостаточный, незначительный' [4, с. 255]. С данным терминоэлементом нами выявлено 38 терминов, большинство из которых (33 ЛЕ) относится к медицинской клинической терминологии. Например: *oligaemia* 'олигемия, уменьшенное общее количество крови'; *oligodactylia* 'олигодактилия, неполное количество пальцев кистей или стоп'; *oligokinesia* 'олигокинезия, малоподвижность и скованность движений'; *oligophrenia* 'олигофрения, слабоумие, умственное недоразвитие' и др. К другим медико-биологическим терминосистемам принадлежит всего 6 анализируемых нами

лексических единиц с элементом *olig-*. Это термины биохимии, биологии, цитологии, например: *oligosidi* ‘олигозиды, углеводы, построенные из небольшого числа остатков моносахаридов’; *oligodendroglіocytus* ‘олигодендроглиоцит, клетка нейроглии с малым количеством отростков’ и др.

Близкий по значению к терминопредмету *olig-* элемент *hypo-* (от греч. *hypo-* – приставка, означающая: ‘1) под, ниже, снизу; 2) понижение, уменьшение, недостаточность, слабая выраженность’ [3, с. 275]) встречается преимущественно в клинической терминологии (145 терминов из 167 анализируемых). Однако в отличие от терминов с ТЭ *olig-*, которые означают ‘недостаточный по количеству’, термины с ТЭ *hypo-* выражают «понижение нормы, ослабление, недостаточность функции» [3, с. 275], что соответствует указанному выше второму значению. Например: *hypomnesia* ‘гипомнезия, ослабление памяти’; *hypoglykaemia* ‘гипогликемия, пониженное содержание глюкозы в крови’; *hypoplasia* ‘гипоплазия, недоразвитие органа’; *hypothyreosis* ‘гипотиреоз, понижение функции щитовидной железы’ и др.

В анатомической терминологии (15 ЛЕ) приставка *hypo-* указывает на расположение ниже (см. 1-е значение [3, с. 275]). Например: *hypogastrium* ‘гипогастрий, подчревьe, нижняя часть живота’; *hypothalamus* ‘гипоталамус, отдел промежуточного мозга, расположенный книзу от таламуса’; *hypotympanum* ‘гипотимпанум, нижняя часть барабанной полости’ и др.

Кроме клинической и анатомической терминологии элемент *hypo-* используется в терминосистемах других медико-биологических наук (7 ЛЕ), например: *hypochromia* ‘гипохромия, пониженное насыщение эритроцитов гемоглобином’; *hypoblastus* ‘гипобласт, энтодерма первичная, внутренний листок двухслойного зародыша’ и др.

В ходе исследования было установлено, что сходство значений элементов *olig-* и *hypo-* в ряде случаев ведет к образованию двух и более синонимов в клинической терминологии. Например, термины *hypodontia* и *oligodontia* обозначают неполное количество зубов, только в первом используется греческий ТЭ *-odont-* (‘зуб’), а во втором – латинский ТЭ *-dent-* (зуб); *hypokinesis* = *hypokinesia* = *oligokinesia* ‘нарушение двигательных функций, характеризующееся малоподвижностью и скованностью движений’; *hypotrichia* = *oligotrichia* = *hypotrichosis* = *oligotrichosis* ‘недостаточное развитие волосяного покрова на всех или отдельных участках тела’; *hyposalivatio* = *oligosalivatio* = *hyposialia* = *oligosialia* = *oligoptyalismus* ‘пониженная секреция слюны’. А вот, казалось бы на первый взгляд, в синонимичных терминах *oligophrenia* и *hypophrenia* имеется различие: олигофрения ‘слабоумие, умственное недоразвитие’ [4, с. 256], а гипофрения ‘общее название, применяющееся для различных форм слабоумия или олигофрении’ [3, с. 288].

Интересно отметить, что в термине *hypooligomenorrhoea* = *oligohypomenorrhoea* ‘нарушение менструального цикла, выражающееся малым сроком менструаций и уменьшенным объемом выделений’ одновременно используется и ТЭ *olig-*, и ТЭ *hypo-* со своим основным значением.

Для сравнительного анализа латинских терминов с элементами *micr-*, *olig-*, *hypo-* с аналогичными лексическими единицами французской медицинской терминосистемы были использованы переводные русско-французский и французско-русский медицинские словари [1; 2]. Результаты исследования показали, что в большинстве примеров имеет место транслитерация, т. е. передача иноязычных слов (в нашем случае – латинских) в соответствии с их написанием в языке-источнике путем замены буквами другой письменности (в нашем случае – французской) с небольшими изменениями окончаний. Например: лат. *microtraumatismus* – фр. *microtraumatisme*; лат. *microcephalia* – фр. *microcephalie*; лат. *microthrombocytus* – фр. *microthrombocyte*; лат. *oligoarthritis* – фр. *oligoarthrite*; лат. *oligomania* – фр. *oligomanie*; лат. *hypostasis* – фр. *hypostase*; лат. *hypotensio* – фр. *hypotension* и др.

Необходимо подчеркнуть, что во французском словаре два термина с ТЭ *olig-* имеют другую орфографию (*olyg-*): *olygohydramnie* ‘олигогидрамнион, маловодие’; *olygohypoménoorrhée* ‘олигогипоменорея’. В тоже время, в стоящем рядом термине *oligohyperménorrhée* ‘олигогиперменорея’, ТЭ *olig-* пишется через «i» [2]. Надо полагать, что здесь имеет место орфографическая ошибка.

Во французской терминологии используются *termini technici*, т. е. полностью сохраняется латинское написание слова, например: *micromonospora* (ср: лат. *micromonospora*) ‘микромоноспоры’; *hypothénar* (ср: лат. *hypothénar*) ‘гипотенар’; *hypophysis* (ср. лат. *hypophysis*) – ‘гипофиз’ и др. А в ряде случаев рядом с *termini technici* указываются также французские термины, например: лат. *hypophysis* и фр. *hypophyse*; лат. *hypoconidium* и фр. *hypoconide*.

Некоторые латинские однословные термины передаются французскими многословными, например: лат. *microagglutinatio* – фр. *agglutination microscopique*; лат. *hypothénar* – фр. *l'éminence hypothénar*; лат. *hypogastrium* – фр. *région hypogastrique*; лат. *oligoschizophrenia* – фр. *schisophrénie greffée*; лат. *microinsultus* – фр. *micro-apoplexie cérébrale*.

Синонимия латинских клинических терминов сохраняется, к сожалению, и во французской медицинской терминосистеме: *oligosialie* = *hyposialie* = *oligoptyalisme* = *hypoptyalisme*. Более того, во французском языке появились синонимические термины там, где они не были зафиксированы в латинском, например: лат. *microchirurgia* – фр. *microchirurgie* (= *microdissection*); лат. *microgenia* – фр. *microgenie* (= *micromandibule*); лат.

oligopsychia – фр. *oligopsychie* (= *débilité mental*); лат. *hypogalactia* – фр. *hypogalactie* (= *oligogalactie*) и др.

Таким образом, в результате сравнительного анализа терминов с элементами *micr-*, *olig-*, *hypo-* установлено, что ближе друг к другу по значению стоят морфемы *olig-* и *hypo-*, что ведет к образованию перечисленных выше дублетных лексических единиц, которые, наряду с другими подобными парами, сохраняют проблему синонимии не только в клинической латинской, но и в терминосистемах других языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беженарь Г.И. Русско-французский медицинский словарь / Г.И.Бежинарь, В.Ф.Бежинарь, Е.О.Якушева. – М.: Рус.яз., 1988. – 576 с.
2. Французско-русский медицинский словарь – 2-е изд., испр. – 56000 терминов. – М.: РУССО, 2000. – 672с.
3. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / гл. ред. В.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1982. –Т. 1. – 464 с.
4. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / гл. ред. В.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – Т. 2. – 448 с.
5. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / гл. ред. В.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – Т. 3. – 512 с.

ФИТОНИМЫ В НОВОМ ЗАВЕТЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кириченко А.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются способы перевода на латинский, церковнославянский, русский (Синодальный перевод, перевод РБО 2011 г.) и белорусский (переводы БПЦ, перевод Комиссии при Конференции католических епископов Беларуси 2017 г.) языки названий некоторых растений, упоминаемых в тексте Нового Завета, по возможности, приводится этимология этих названий.

Ключевые слова: Новый Завет, древнегреческий язык, латинский язык, церковнославянский язык, русский перевод, белорусский перевод, смоковница, шелковица, тростник, нард, терновник, репейник, виноград, рожковое дерево.

Ботаническая терминология является предметом изучения в рамках дисциплины «Латинский язык» на биологическом и химическом факультетах БГУ, в медицинских университетах и колледжах, в рамках дисциплин по выбору студента «Биологическая латынь» и «Медицинская латынь» на специальности «Классическая филология» БГУ. Информация об этимологии названий растений, способы перевода этих названий на различные языки несомненно повышает интерес студентов к изучаемому материалу, способствует как лучшему запоминанию латинского названия, так и расширению кругозора. Также обращение к тексту Библии представляет собой актуальный на сегодняшний момент аспект воспитательной работы со студентами.

Ранее нами были рассмотрены следующие растения, встречающиеся в Новом Завете: лилия, горчица, мята, рута, анис, тмин, полынь [5]. В данной работе будут проанализированы фитонимы *смоковница*, *шелковица*, *тростник*, *нард*, *терновник*, *репейник*, *виноград* и *рожковое дерево* из Синодального перевода, их греческие, латинские и церковнославянские эквиваленты [1], а также варианты перевода в изданиях Российского библейского общества 2011 г. [2] (в которое вошел перевод Нового Завета, выполненный В. Н. Кузнецовой) и белорусские переводы БПЦ [8] и Комиссии при Конференции католических епископов Беларуси (ККББ) 2017 г. [7]

Смоковница (или смоква, или инжир, или фи́га, или фиговое дерево) – субтропическое листопадное растение рода Фигус (*Ficus*) семейства Тутовые (*Moraceae*). В Новом Завете встречается в Мф 21:19–21, Лк 13:6, 7; 21:29, Мк 11:13, Ин 1:48. В греческом оригинале все авторы используют лексему ἡ σικκῆ. Есть версия, что из Аттики было запрещено вывозить плоды смоковницы (греч. τὸ σῆκον), доносителей на нарушающих запрет назвали

сикофантами, а в период расцвета афинской демократии слово «сикофант» стало обозначать продажных доносчиков, публичных клеветников, преследующих частные интересы [6, с. 229]. Данная лексема сохранилась, например, в английском языке, где *sycofant* обозначает подхалима. В латинских переводах использовано два аналога: *arbor ficī* (Мф 21:19, Лк 13:6, 7), просто *ficus*, *i* или *us f* (Мк 11:13, 13:28, Ин 1:48) и *ficulnea*, *ae f* (субстантивированное прилагательное, подраз. *arbor*) (Мф 21:19–21, Лк 21:29). Существуют разные виды смоковницы: то, что мы сейчас называем инжиром, – это смоковница обыкновенная (*Ficus carica*), названная по месту, считающемуся родиной инжира, – провинции Кария в Малой Азии. Некоторые ученые называют инжир самым древним культурным растением, культивируемым человеком около 12 тысяч лет. Лексема *инжир* – персидского происхождения, вошла в русский язык не раньше XVIII века. Другие названия этого плода – *фига* (от латинского *ficus*), *смоква* (некоторыми учеными считается исконно славянским, обозначает «сочная ягода»), винная ягода. Лексему *смоква* мы встречаем в церковнославянском и Синодальном переводе Мф 7:16, Лк 6:44 и Иак 3:12, в греческом тексте ей соответствует τὸ σῖκον, в латинском – *ficus*, *us f*, а современный русский перевод В. Н. Кузнецовой использует слово *инжир*. Фиговым листом прикрываются Адам и Ева в книге Бытия. Русская лексема *фига* в значении «кукиш» возникла из оборота *делать (показывать) фигу*, фразеологической кальки франц. *faire la fugue* «убегать», и не имеет никакого отношения к плоду смоковницы.

Еще один вид смоковницы – это сикомор (*Ficus sycomorus*), или библейская смоковница – огромное дерево с раскидистой кроной, которое выращивали в том числе ради тени. Его плоды съедобны и напоминают инжир, но по цвету розовые. В кроне сикомора сидел Закхей, высматривая Иисуса Христа (Лк 19:4). В греческом оригинале использована лексема ἡ συκομορέα, в латинском переводе – *sycomorus*, *i f*. Но в словарях этих языков [3, 4] указано, что данные названия идентичны названиям ἡ σικάμινος и *ysamīnos* (-us), *i f*, которые переводятся как «тутовое дерево, шелковица» – названием растения хотя и родственного, но все же другого. Для этого вида смоковницы церковнославянский перевод использует лексему *ягодичина*, Синодальный – *смоковница*, а В. Н. Кузнецова – *тутовое дерево*.

Смоковница всегда обильно плодоносит. «Обитание под смоковницей на языке св. пророков означало счастливые, мирные и обильные времена». [9]. Поэтому, когда смоковница не дает плодов в течение нескольких лет, в Священном Писании это считается неестественным и символизирует недостаток добрых дел. Широко известна притча о бесплодной смоковнице из Евангелия от Луки 13:6–9, не приносившей плодов три года. Хозяин хотел срубить ее, но виноградарь «сказал ему в ответ: господин! оставь её и на этот год, пока я окопаю её и обложу навозом, – не принесет ли плода; если же нет,

то в следующий [год] срубишь её» (Лк 13:8–9). Все в этой притче – метафоры и символы, в том числе и смоковница, трактуемые по-разному. В этом отрывке, как и в Мф 19–21, В. Н. Кузнецова использует фитоним *смоковница*, вероятно, не желая разрушать ставший уже устойчивым оборот *бесплодная смоковница*. Белорусские переводы и БПЦ, и Комиссии католических епископов используют одинаковый эквивалент *смакоўніца*, только в Иак 3:12 в переводе ККББ употребляется лексема *смоква* как название дерева, а не плода: «Ці можа, браты мае, смоква радзіць аліўкі...?»

Вторая часть названия *сикомор* представляет собой латинское название растения, родственного фиговому дереву, – **шелковицы** (лат. *Morus, i f*). Эту латинскую лексему мы встречаем в Евангелии от Луки 17:6. В греческом тексте на этом месте использована лексема ἡ συκάμινος, в латинском переводе – *arbor morus*, а в Синодальном – *смоковница*: «Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас». Церковнославянский вариант – *ягодичина*, как и для сикомора; в переводе В.Н. Кузнецовой употреблен фитоним *шелковица*. Из белорусских переводов более точен Перевод Белорусской Православной Церкви – *шаўкоўніца*, но в варианте Комиссии католических епископов Беларуси мы видим лексему *смакоўніца*. По каким-то причинам авторам Синодального перевода и перевода ККББ оказалось неважным использование точного эквивалента названия данного растения.

Тростник – род крупных широко распространённых многолетних травянистых растений семейства Злаки, или Мятликовые (*Poaceae*). В Новом Завете растение упоминается несколько раз: в Мф 11:7, 12:20, 27:29, 30, 48, в 3Ин 1:13, Откр 11:1, 21:15, 16. В греческом оригинале во всех отрывках используется лексема ὁ κάλαμος, в латинском переводе в большинстве случаев мы видим термин *arundo, īnis f*, а в 3-ем Послании Иоанна, Откр 11:1 – *calāmus, i m*. Речь, вероятно, идет о разных видах тростника: в одном случае об *Arundo donax*, тростнике гигантском, стебель которого в насмешку дали Христу, идущему на распятие, и которым били Его по голове (Мф 27:29, 30) или использовали как средство для измерения длины (Откр 11:1, 21:15, 16); в другом случае – об *Arundo scriptoria*, писчем тростнике, используемом для письма. Правда, остается непонятным латинский перевод в Откр 11:1 – *calāmus*, хотя речь идет о средстве измерения. Греческая лексема κάλαμος очень многозначна: это и тростник, камыш, и свирель, и удочка, и палочка для письма, и солома, и полоса на ткани, и мера длины, так же много значений у латинского *arundo* (в том числе и палочка для письма), однако в латинский язык вошло и греческое название – *calāmus*, знакомое нам по устойчивому выражению *lapsus calāmi*, обозначающему опisku, ошибку в правописании. Церковнославянский и Синодальный перевод в всех случаях употребляет слово *трость*, В.Н. Кузнецова – *тростник* (Лк 7:24, Мф 11:7),

трось (Откр 11:1), *шест* (Откр 21:15, 16), *палка* (Мф 27:29, 30) и *перо* (3Ин 1:13), безусловно, учитывая контекст и стремясь объяснить смысл отрывка. В переводе Комиссии католических епископов Беларуси две лексемы для этого понятия: *трысціна* (Лк 7:24, Мф 11:7; 27:29, 30, Откр 11:1; 21:15, 16) и *пяро* (3Ин 1:13), в переводе БПЦ – три: *трысціна* Лк 7:24, Мф 11:7, Откр 11:1; 21:15, 16), *кій* (Мф 27:29, 30) и *пяро* (3Ин 1:13).

Нард – высокогорное многолетнее травянистое растение подсемейства валериановых (Valerianoideae), так же называется ароматное эфирное масло, получаемое из него. Нард обычно используется для лечения бессонницы, депрессии, нервных расстройств, в качестве тонизирующего, жаропонижающего, спазмолитического и антисептического средства. Древнегреческое название ἡ ἄρδος и латинское *nardus*, i f – это кальки еврейского *неред*. Нард и его лечебные свойства подробно описаны в трактате «De materia medica» Диоскорида (1 в. н. э.). В 1 веке н. э. из корня нарда изготавливали очень душистое масло с приятным запахом. Именно это масло (греч. μύρον ἄρδου, лат. unguentum nardi) упоминается в Мк 14:3 и Ин 12:3. Мария, сестра Лазаря, «взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира» (Ин 12:3). Нардовое масло было очень дорогое, и в Евангелии от Марка 14:4–5 женщину, помазавшую им голову прокаженного, некоторые осудили. Оба белорусских перевода и русский перевод В.Н. Кузнецовой используют лексему *нард*, т.к. это растение экзотическое для наших широт, растет только в Гималаях, Индии, Китае и Непале и не имеет русского или белорусского эквивалента.

Терновник, терн – в Библии это общее название различных колючих кустарников. И Матфей, и Иоанн свидетельствуют, что перед распятием на Христа надевают венец из терна (Мф 27:29, Ин 19:2). Также в Мф 7:16 терновник – символ негодного растения, не приносящего полезных плодов. Греческая лексема – ἡ ἄκανθα, латинская – *spina*, ae f. В белорусских переводах мы видим одинаковую лексему *цярноўнік*. В одном из видов терновых кустов, по-церковнославянски в *кутине*, является Моисею ангел (Исх 3:2), здесь в греческом переводе использован термин ὁ βάτος ‘колючее растение, ежевика’, в латинском – *tubus*, i m ‘ежевика’, в Синодальном переводе – терновый куст.

Еще одно колючее растение, упоминаемое в Новом Завете, – **репейник**: «Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Мф 7:16). В греческом оригинале использована лексема ὁ τρίβωλος ‘1) трибол (шарик с четырьмя острями, из которых одно всегда торчало вверх; такие шарики рассыпались для задержки неприятельской конницы), 2) колючка, ость, 3) колючее растение, терн’. В латинском – *tribulus*, i m ‘1) терновник, 2) чилим, 3) трибул, аналог первому значению греческого слова’. Репейник в русском языке имеет научное название лопух большой из рода Лопух (лат.

Arctium) семейства Астровые (лат. Asteraceae). И автору оригинального текста, и переводчикам неважно, о каком именно растении идет речь, поэтому мы видим разные варианты: *колючки* (В.Н. Кузнецова), *дзядоўнік* (перевод БПЦ), *асот* (перевод ККББ). Дедовник (он же чертополох), осот и репейник – это разные растения семейства Астровые.

В этом же отрывке Евангелия от Матфея, а также в Лк 6:44, 1Кор 9:7, Откр 14:18, 19 употребляется название **виноград**. Русское слово *виноград* заимствовано из старославянского языка, куда пришло как словообразовательная калька готского *weinagards* (*wein* «вино», *gards* «огород, сад, город»), и первоначально обозначало сад, где растет виноград, но позже оно переосмыслилось и стало обозначать само растение и его плод. В греческом оригинале мы видим три аналога этому слову: ἡ ἄμπελος ‘виноградная лоза, виноград’ (Откр 14:18, 19), ὁ ἀμπέλων, ὄνος ‘виноградник’ (1Кор 9:7), ἡ σταφυλή ‘виноградная гроздь’ (Мф 7:16, Лк 6:44), в латинском переводе – два: *uva*, *ae f* ‘гроздь, виноградная кисть, виноград’ (Мф 7:16, Лк 6:44) и *vinea*, *ae f* ‘виноградник, виноградная лоза’ (1Кор 9:7, Откр 14:18, 19). Белорусские переводы учли контекст и в 1Кор 9:7 использовали лексему *вінаграднік*, так же, как и перевод РБО. Виноград – одно из самых распространенных культурных растений стран Средиземноморского региона, имеющее огромное значение для людей, поэтому неудивительно, что в тексте Библии оно упоминается многократно.

Рожковое дерево (*Ceratonia siliqua*) – растение семейства Бобовые (Fabaceae), вид рода Цератония (*Ceratonia*), издавна культивируемое в Средиземноморье. Плоды рожкового дерева по-гречески называются τὰ κέρατια (букв. «рожки» от τὸ κέρας, κέρατος ‘рог’) и отличаются постоянством массы (0,2 г), из-за чего использовались как единица веса. Греческое название плода этого растения стало названием единицы массы в ювелирном деле – карат. Эти плоды упоминаются в Евангелии от Луки 15:16, в притче о блудном сыне, как корм для свиней. В латинском переводе использована лексема *siliqua ae f* – ‘1) стручок, pl. бобовые растения, 2) бот. сладкие рожки, плоды *Ceratonia siliqua*’. Русские и белорусские переводы употребляют следующие соответствия: *рожки / ражки* (СП, перевод БПЦ) и *стручки / стручки* (перевод РБО и ККББ). На наш взгляд, эти способы перевода непонятны современному читателю и требуют комментария.

Как свидетельствует проанализированный материал, в большинстве случаев авторы переводов текстов Нового Завета не используют точные ботанические соответствия фитонимов, т.к. эти растения представляют собой метафору (*смоковница, виноград*) или на первый план выходит его конкретное свойство (*терновник, репейник*). Однако подобный сравнительно-сопоставительный лингвистический анализ фитонимов, несомненно, вызывает интерес и позволяет глубже понять смысл текстов Священного Писания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия на церковнославянском, русском, греческом, еврейском, латинском, английском языках / Азбука веры: Православный портал. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/>. – Дата доступа: 20.01.2024.
2. Библия. Современный русский перевод (РБО-2011) [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://didahe.ru/bible/rbo_2011/bibliya_rbo_2011_didahe_ru.html. – Дата доступа: 20.01.2024.
3. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь: 200 тыс. слов и словосочетаний / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык-Медиа, 2005. – 843 с.
4. Древнегреческо-русский словарь (в 2-х т.) / составил И.Х. Дворецкий. – М. Гос. изд-во иностранных и нац. словарей. – 1958. – 2 т.
5. Кириченко, А. В. Растения в Новом Завете: лилия, горчица, мята, рута, анис, тмин, полынь / А. В. Кириченко // Методика преподавания медицинской и биологической латыни: материалы Межуниверситетского круглого стола, Минск, 25 января 2023 г. / БГУ, Филологический фак., Каф. классической филологии; [редкол.: А. В. Кириченко (отв. ред.), Д. Г. Минкевич]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 11–16. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296306>. – Дата доступа: 20.01.2024.
6. Латышев, В.В. Очерк греческих древностей. Часть первая: государственные и военные древности. / В. В. Латышев. – С.-Петербург. Алетейя. – 1997. – 347 с.
7. Новы Запавет [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://catholic.by/3/lib/bible>. – Дата доступа: 20.01.2024.
8. Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста: [пераклад з грэчаскай мовы]. – Мінск: Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, Медыял, 2017. – 542 с.
9. Разумовский, Димитрий. Обозрение растений, упоминаемых в Священном Писании [Электронный ресурс] / Димитрий Разумовский // Азбука веры: Православный портал. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Dimitrij_Razumovskij/obozrenie-rastenij-upominaemyh-v-svjashhenom-pisanii/. – Дата доступа: 20.01.2024.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ MOODLE В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНО–МЕТОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПО МЕДИЦИНСКОЙ ЛАТЫНИ

Круглик Н.А.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. Статья посвящена вопросам создания электронных учебно-методических комплексов на основе образовательной платформы MOODLE и использования их в учебном процессе БГМУ.

Ключевые слова: информационные технологии, образовательная среда, тестирование, электронный журнал.

Современная высшая школа на сегодняшний момент неразрывно связана с современными компьютерными технологиями и разнообразными информационными сетями. Все это обуславливает появление новых методов и приёмов при подготовке специалистов. В последнее время всё большую популярность в системе образования приобретает система дистанционного обучения, которая опирается на методы и способы обучения, позволяющие повысить его интенсивность, расширить его содержательный компонент, возможность построения индивидуальной траектории с учетом способностей обучаемого.

Важное место в процессе дистанционного обучения занимают среда передачи информации и методы, зависящие от технической среды передачи информации.

В Белорусском государственном медицинском университете система Moodle прочно закрепила за собой позиции ведущей образовательной среды (платформы). Она представляет собой широкий спектр технических, и не только, возможностей для обеспечения подготовки специалистов дистанционно. Данная среда имеет в своём активе многообразные способы подачи учебного материала, проверки и контроля знаний.

Преимуществом использования системы Moodle является обмен любой информацией не только между преподавателем и студентом, но и между самими студентами.

На наш взгляд, эта программа незаменима в процессе создания электронных учебно-методических комплексов по любым дисциплинам учебного процесса.

В Moodle представлены оптимизированные ресурсы курса – это тот теоретический материал занятий, который, по мнению преподавателя, должен быть размещен в модулях. Данный материал может быть представлен как отдельными файлами, так и ссылками на внешние сайты. Для заполнения модулей курса система предлагает использовать форматы документов:

тестовая страница, веб-страница, ссылка на файл или веб-страницу, ссылка на каталог, пояснения. Все эти элементы по мере надобности можно редактировать, дополнять, изменять [1, с. 23].

Ещё одним важным компонентом данной образовательной среды являются элементы курса – это тот материал, который направлен на активную работу со стороны студента и представляет собой интерактивный модуль. Благодаря работе с этим модулем преподаватель может оценить уровень владения материалом студента и провести итоговую аттестацию студента за весь курс обучения. К элементам курса относят: задание, форум, семинар, чат, тест, занятие, опрос, глоссарий, анкета, анкетный опрос, рабочая тетрадь, книга, упражнения [3, с. 43].

Первоначально данная программа была разработана для пользователей, не обладающих глубокими знаниями в области программирования и администрирования баз данных, веб-сайтов и т.д. Преподаватель самостоятельно, используя только справочную систему, мог создавать электронные курсы и управлять их работой [1, с. 34].

Используя элементы программы, преподаватель ставит перед студентом задачи, которые направлены на подготовку точного и правильного ответа со стороны последнего. Преподаватель сам задает условия выполнения задания. Например, можно создать темпоральные рамки на выполнение заданий. Либо он может добавить функцию ответа на вопрос после окончания отведенного времени. Информация о досрочных ответах или ответах, данных не в установленные сроки, будет отображаться в настройках профиля преподавателя. При этом преподаватель может оценивать, комментировать и давать рекомендации как индивидуально каждому студенту, так и группе [2, с. 17].

Составитель курса сам определяет, какое планирование ему лучше применить: календарное или тематическое. В зависимости от выбранного вида планирования соответственно выбирается и форма подачи материала. При тематическом планировании материал делится на модули по темам занятий, а календарное планирование – это разбивка материала на отдельные недели, где четко указан график изучения каждой темы. Студенты отдают предпочтение последнему виду планирования материала, поскольку он позволяет обучаемому четко спланировать время для изучения не только основного учебного материала, но также и дополнительного материала по теме.

В настоящее время вся высшая школа переходит на рейтинговую систему оценивания знаний студента. И именно в системе Moodle представлена база для расчета рейтинговых показателей оценивания знаний студентов. Данная база опирается не только на оценки, полученные в процессе выполнения того или иного задания, но также и на активное участие студента в процессе обучения. И, что немаловажно, на наш взгляд,

система может предоставить электронную форму ведения специального журнала. Такая функция не предусмотрена ни в одной другой аналогичной системе дистанционного обучения. Это весьма полезно как для преподавателя, которому предоставляется возможность отказаться от ведения традиционного журнала, так и для студента, который видит свои оценки и может с лёгкостью просчитать рейтинговый показатель.

И, конечно, нельзя обойти своим вниманием тестовый контроль знаний. В конце каждой темы преподаватель может контролировать процент усвоения с помощью разнообразных тестов. Система предлагает огромный выбор настроек тестов, которые варьируются в соответствии со специфическими задачами каждой учебной дисциплины. Тестовые задания могут быть как одного вида, так и различных. Тестовые задания могут представлять собой вопросы открытого и закрытого типа, вопросы с выбором одного или нескольких правильных вариантов ответов, вопросы вычислительного типа или вопросы с развернутыми ответами. [1, с. 56].

Преподаватель не только сам регулирует время, необходимое на ответ на данный вопрос, но также и количество попыток ответов, процентное соотношение верных и неверных ответов. Руководитель курса может сам задать все необходимые характеристики тестов.

Автор на свое усмотрение вносит в структуру электронно-учебного методического комплекса глоссарий, в котором он прописывает самые важные понятия и термины, что является своего рода помощником студенту. В то же время преподаватель может не только сам вносить изменения и дополнения в глоссарий, но и привлекать к участию в создании словаря студентов. Moodle дает возможность не только создавать статьи словаря, но и комментировать статьи глоссария как преподавателем, так и другими студентами.

Таким образом, Moodle является не только центром создания электронно-учебных комплексов дисциплин, но, в свою очередь, и ядром обеспечения интерактивного взаимодействия между участниками учебного процесса. Moodle не только открывает перед руководителем курса огромные возможности по организации эффективной двусторонней связи с обучаемыми и мгновенной возможности оценки их знаний, но и позволяет по мере надобности оперативно изменить структуру лекционного материала и практических занятий в соответствии с меняющимися задачами и уровнем успеваемости студентов.

Данная образовательная среда в основном ориентирована на студентов, получающих дистанционное образование; однако, на наш взгляд, она применима и при традиционной форме получения образования. Moodle предполагает использование и других обширных коммуникативных средств – традиционной электронной почты, обмен файлами с преподавателем и сокурсниками, а также форум и ведение блогов, что также с большим

успехом находит применение в создании электронных учебно-методических комплексов.

Таким образом, среди преимуществ использования Moodle можно выделить альтернативность подачи и предоставления информации; интерактивность обучения; неоднократное повторение ранее изученного материала; структурирование содержания обучения и его модульность; самоконтроль учебных действий; выстраивание индивидуальных образовательных траекторий [2, с. 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, А.М. Работа в системе дистанционного обучения Moodle : учебное пособие / А.М. Анисимов. – Харьков : ХНАГХ, 2009. – 292 с.
2. Белозубов, А.В., Николаев, Д.Г. Система дистанционного обучения Moodle / А.В. Белозубов, Д.Г. Николаев. – СПб., 2007. – 108 с.
3. Гильтмундинов, А.Х. Электронное образование на платформе Moodle / А.Х. Гильтмундинов, Р.А. Ибрагимов, И.В. Цивильский. – Казань : КГУ, 2008. – 169 с.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ ФИЛОЛОГОВ-КЛАССИКОВ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Литинская Е.П.

Петрозаводский государственный университет

Аннотация. В статье представлен опыт разработки научно-исследовательского семинара для студентов второго курса направления «Классическая филология». В рамках дисциплины обучающиеся обращаются к анализу нетранслитерированного латинского текста в творчестве русских авторов. Предложенная методика работы позволяет развить навыки медленного, вдумчивого чтения, способствующего пониманию глубины текста, расширяет фоновые знания студентов, происходит погружение в эпоху, осознание преемственности культур. Эвристический подход, а именно работа со словарями, поиск первоисточника, формирует навык лингвистической работы с текстом и мотивирует интерес к исследованию.

Ключевые слова: латинский язык; научно-исследовательская работа; идиостиль; лингвопоэтический анализ.

С основами латинского языка в Петрозаводском государственном университете традиционно знакомятся студенты биологи, экологи, историки, политологи, социологи, юристы, медики и, конечно, филологи. Впервые набор студентов на направление «Классическая филология» состоялся в 1995 году по инициативе профессора Т. Г. Мальчуковой [5, с. 112-113.]. Научные изыскания в области рецепции античности в русской словесной культуре Т. Г. Мальчуковой и ее учениц А. Ю. Ниловой, А. В. Дехтяренко, А. А. Скоропадской и Е. П. Литинской определили уникальное научное направление кафедры: «Античные и христианские традиции в русской литературе XVIII–XX веков», в русле которого осуществляется и научно-исследовательская работа студентов. На втором курсе работа имеет преимущественно лингвистическую направленность, на третьем и четвертом – литературоведческую.

Курс латинского языка у филологов-классиков длится 6 семестров. В первых двух семестрах студенты усваивают базовые лексические, грамматические и стилистические особенности древнего языка. Основным учебным пособием этого периода является учебник М. М. Кисловой и Г. С. Эгипти [1], в котором грамматика латинского языка излагается с опорой на русский язык, а обширный материал для чтения (отрывки из произведений римских авторов, переложения мифов, афоризмы и пословицы) знакомит студентов с римской литературой и мифологией. Привлекаются также

материалы учебников латинского языка В. Н. Мирошенной и Н. А. Федорова [2] и А. В. Подосинова и Н. И. Щавелевой [3].

Каждое языковое занятие открывает латинское крылатое выражение, иллюстрирующее грамматический материал, дается лингвокультурологический комментарий. Уже на первом курсе теоретический материал подкрепляется комментированным чтением отрывков из текстов латинских авторов (Цезаря, Горация, Овидия, Вергилия, Катулла). Особое внимание уделяется этимологическому анализу. Рассматриваются классические дериваты в русском и европейских языках, подчеркивается основополагающая роль латинского и греческого языков в формировании научной терминологии.

Таким образом, на начальном этапе освоения латинского языка студенты получают представление об универсальности и жизнеспособности мертвого языка, осознают преемственность и связи языков. Достигается экстралингвистическая цель обучения, «которая заключается в приобщении учащегося к ценностям европейской культуры вообще и прежде всего к достижениям античной цивилизации как основе последующего развития человечества» [4, с. 194].

На втором курсе параллельно с освоением дисциплин антиковедческого цикла («Античная литература», «Латинский язык и авторы», «Древнегреческий язык» и др.) студенты проводят исследовательскую работу, которая состоит в изучении роли и функций латинского языка в идиостиле русских писателей и поэтов XIX–XX вв. Перед студентами стоит задача проанализировать и систематизировать латинскую нетранслитерированную лексику, включенную в авторское русскоязычное повествование.

Студенты обращаются к творчеству В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. Бродского, О. Мандельштама, М. Волошина, А. Блока, В. Брюсова.

Приведем некоторые наименования курсовых работ: «Латинский язык в творчестве В. А. Жуковского», «Латиноязычная лексика в эпистолярном наследии А. С. Пушкина», «Лексемы латинского происхождения у А. П. Чехова», «Латинский язык в произведениях И. С. Тургенева», «Латинские названия стихотворений И. Бродского», «Латинские выражения в поэзии М. Волошина», «Латинский язык в лирике А. Блока», «Латинские заклинания в романе В. Брюсова “Огненный ангел”» и др.

В теоретической части курсовой работы студенты рассматривают место классических языков и античной литературной традиции в жизни и творчестве исследуемых авторов, а также могут углубляются в специальные литературоведческие вопросы: особенности эпистолярного жанра, роль эпиграфа в художественном произведении, поэтика заглавия и др.

Студентам предлагается следующая методика работы при создании практической главы. В результате контент-анализа полного собрания сочинений автора фиксируются латинские нетранслитерированные вкрапления. Данные оформляются в виде таблицы, в которой указывается том и номер страницы, контекст употребления латинской единицы, буквальный перевод и историко-культурный и лингвокультурологический комментарий. Далее латинизмы классифицируются и дается лингвопоэтический анализ, на основе которого делается обобщение и формулируются выводы.

Процесс работы проиллюстрируется на материале курсового сочинения студентки В. Золотовой «Латинский язык в творчестве В. А. Жуковского». Контент-анализ полного собрания сочинений В. А. Жуковского в 20 томах выявил 48 апелляций к латинской графике. В подборку не включены случаи использования (свыше 30) пометы NB, Nota bene (отметь хорошо, заметь хорошо) в эпистолярном и критическом наследии автора. Создана следующая квалификация:

1. Стандартные и этикетные выражения.
2. Крылатые выражения.
3. Цитаты из латинских авторов.
4. Терминология на латинском языке.
5. Названия произведений на латинском языке.
6. Религиозный латинский текст.

Более подробно методику проведения исследования рассмотрим на примере анализа крылатых выражений и цитат из латинских авторов. При создании В. А. Жуковским конспекта произведения Мольера «Учитель философии и г. Журден» (в русском переводе «Мещанин во дворянстве») студентка фиксирует выражение «*Nam, sine doctrina, vita est quasi mortis imago*», букв. «Ибо без науки жизнь есть как бы подобие смерти». Был найден первоисточник: вторая часть дистиха Дионисия Катона:

*Instrue praeceptis animum, nec discere cesses;
Nam sine doctrina vita est quasi mortis imago (1, III).*

Снабди душу рецептами, не переставай учиться;
Ибо без учебы жизнь как бы подобие смерти.

В переводной статье В. А. Жуковского с французского языка «Два ручья» (1799) отмечено выражение «*Sit tibi terra levis*», букв. «Пусть земля тебе будет лёгкой»: «Можно увидеть такое намерение в тех легких собраниях лучших произведений поэтов древности, отделенных от всего того, что не заслуживает сего титла, и можно сказать, что трогательная формула погребения древних: *Sit tibi terra levis*, была для издателей их правилом вкуса». Студентка дает следующий комментарий: «На древнеримских и

раннехристианских надгробиях можно увидеть аббревиатуру “S·T·T·L”, которая является эпитафией “Sit tibi terra levis”, которая относится к древнегреческой традиции похорон». Далее указывается, что в трагедии Еврипида «Алкеста» звучит заключительная формула погребального обряда над могилой Алкесты: «κοῦφα σοι χθὼν ἐπάνωθε πέσοι!» («да будет земля тебе легка!»). Историко-литературный комментарий дополняется эпиграммой Марка Валерия Марциала:

Sit tibi terra levis, mollique tegaris harena,
Ne tua non possint eruere ossa canes.

Пусть земля тебе будет лёгкой, и пусть ты покроешься мягким песком,
чтобы собаки могли вырыть твои кости.

Однако данные лингвопоэтического анализа отрицают аллюзию на стихи римского поэта, актуализирующего мотив проклятия, тогда как в нашем отрывке речь идет о «трогательной формуле погребения древних».

При переводе В. А. Жуковским сентиментальной повести «Мальчик у ручья, или Постоянная любовь» Коцебу студентка отмечает ошибочное написание выражения «deux ex machina» вместо «deus ex machina» (букв. «бог из машины», перен. неожиданная развязка трудной ситуации благодаря внешнему вмешательству). На данном этапе работы не удалось установить, ошибка ли это наборщика или авторская опечатка. В немецком тексте, к которому студентка обратилась, выражение указано правильно.

Перейдем к группе «Цитаты из латинских авторов». В конспекте В. А. Жуковского избранных сочинений Ж.-Ж. Руссо приводится высказывание из «Науки поэзии» Горация «*Décipimur specie recti*» (букв. «мы обманываемся видимостью правильного»). В письме А. И. Тургеневу В. А. Жуковский пишет: «Вот мысль Горация, которая привела меня в восхищение, ибо теперь с отменной живостью чувствую истину, в ней заключенную:

Et ni
Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendas animum studiis et rebus honestis;
Invidia vel amore vigil torquebere.

Буквальный перевод горацианского текста следующий: «До света требуй книгу и лампу; если ты не обратишь свой ум к достойным занятиям и делам, будешь без сна мучиться любовью или завистью». Как уточняет студентка, это отрывок из послания II книги I Горация.

Дважды встречается строки из «Энеиды» Вергилия. При переводе В. А. Жуковским в 1810 г. отрывка «Путешествие Шатобриана в Грецию и Палестину» (из «Путешествия из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж» Р. Шатобриана) «Тенедос находился перед корабельным рулем: Est

in conspectu Tenedos», букв. «Тенедос есть в поле зрения». Студентка делает вывод о посреднической функции латинского языка: «мост между двух эпох».

В письме князю Варшавскому, графу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому В. А. Жуковский цитирует фразу из «Энеиды» (I, 35) Вергилия «*Quos ego!*», букв. «Я вас!», произнесенную Нептуном в угрозе непослушным и мятежным ветрам. Контексте следующий: «И то, что теперь творится в остальной Европе, представляет ей самой к тому благоприятный случай. Как царица морей, как Виргилиев Нептун, она может, в смысле всеобщего блага, сказать бунтующим волнам европейских народов: *Quos ego! Я вас!* – Но что же? Она произносит это слово только в ругательном смысле всеобщего бедствия». Фраза является примером фигуры речи, называемой апосиопезисом.

В переводе В. А. Жуковского «Мыслей о заведении в России академии азиатской» С. С. Уварова читаем строку из поэмы «О природе вещей» («*De rerum natura*») римского поэта и философа Лукреция Кара: «*Juvat integros accedere fontes*», букв. «Приятно приближаться к чистым источникам».

Таким образом, в процессе анализа студентка обращается широкому историческому, культурному и литературному контексту, знакомится с оригинальной европейской литературой, учится переводить и интерпретировать тексты. На завершающем этапе подводятся итоги. Выводы, к которым приходит исследовательница, следующие. Несмотря на то, что В. А. Жуковский был воспитан в традициях европейского образования, для которого классические языки и античная культура являются безусловными образцами, латинский нетранслитерированный текст нечасто присутствует на страницах его словесного наследия. Однако появление латыни связано со значимыми для В. А. Жуковского темами: европейская словесная культура и религия.

Материал курсовой работы стал основой для доклада на секции «Греко-римское наследие в мировой культуре: традиции и современность» в рамках 75-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых ПетрГУ, а также на секции «Классическая филология» в рамках студенческой конференции Белорусского государственного университета. Доклад был преобразован в научную статью, публикация которой состоялась в студенческом электронном рецензируемом периодическом издании ПетрГУ «*StudArctic forum*».

Опыт семинара позволяет развить навыки медленного, вдумчивого чтения, способствующего пониманию глубины текста. Предложенная методика работы расширяет фоновые знания студентов, происходит погружение в эпоху, осознание преемственности культур. Эвристический подход, а именно работа со словарями, поиск первоисточника, формирует навык лингвистической работы с текстом и мотивирует интерес к

исследованию. Как правило, студенты продолжают работать с тем же автором и на третьем курсе в рамках литературоведческого исследования. Апробация работы на студенческих конференциях имеет пропедевтическое значение, развивает навыки публичных выступлений, ведения дискуссий, приобщает студентов к миру науки, повышает личностную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кислова, М. М. Латинский язык : учеб. пособие / М. М. Кислова, Г. С. Эгипти. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. – 183 с.
2. Мирошенкова, В. И. Учебник латинского языка : учеб. пособие / В. И. Мирошенкова, Н. А. Федоров. – М. : Изд-во МГУ, 2006. – 560 с.
3. Подосинов, А.В. *Lingua Latina*. Введение в латинский язык и античную культуру. / А. В. Подосинов, Н. И. Щавелева. – М. : Прогресс, 1993–1995.
4. Подосинов, А.В. Место латинского языка в цикле гуманитарного школьного образования // Вопросы образования. – 2006. – № 4. – С. 192–199.
5. Скоропадская, А.А. Памяти Т. Г. Мальчуковой / А.А. Скоропадская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2019. – №5 (182). – С.112–113.

АПТЫМІЗАЦІЯ МЕТАДЫЧНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ СТУДЭНТАЎ СПЕЦЫЯЛЬНАСЦІ «КЛАСІЧНАЯ ФІЛАЛОГІЯ»

Мінкевіч Д.Г.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Анотацыя. Прадстаўлены на Круглы стол даклад разглядае забяспечанасць сучаснымі падручнікамі студэнтаў спецыяльнасці «Класічная філалогія».

Ключавыя словы: класічная філалогія, старажытнагрэчаская мова, лацінская мова, падручнік.

Некалькі пакаленняў студэнтаў спецыяльнасці «Класічная філалогія» вывучалі лацінскую і старажытнагрэчаскую мовы па адпаведных кафедральных падручніках: Гарнік, А. В. «Латынскі язык» [1] і Зарембо, О. С., Тананушко К. А. «Древнегреческий язык» [2]. Згодна з прынятымі ў БДУ правіламі падручнікі са спісу асноўнай літаратуры не могуць быць старэйшымі за пяць гадоў, таму ўжо пэўны час існуе неабходнасць у новых падручніках. На дадзены момант самым новым рускамоўным падручнікам старажытнагрэчаскай мовы (а беларускамоўнага падручніка не існуе) для студэнтаў спецыяльнасці «Класічная філалогія» з'яўляецца апошняе выданне «Учебника древнегреческого языка» М.М. Славяцінскай: трэцяе выданне выйшла ў 2022-м годзе, чацвёртае – ў 2023-м [4]. На першым курсе на вывучэнне старажытнагрэчаскай мовы ў 2021 годзе адводзілася 212 гадзін (106+106 па семестрах) для практычных заняткаў і 16 гадзін для КСР, адпаведна трэба суаднесці вывучэнне дысцыпліны па падручніку М.М. Славяцінскай з навучальнай праграмай. Падручнік складаецца з трох частак: першая (39 урокаў), якую можна разабраць за першы семестр, другая (23 урокі) і трэцяя (9 раздзелаў) адыходзяць на другі семестр, або для зніжэння тэмпу навучання можна вынесці трэцюю частку на першы семестр другога года навучання і чытаць разам з «Анабазісам» Ксенафонта. Падручнік М.М. Славяцінскай уключае ў сябе не толькі паслядоўную паўрочную сістэму рэпрэзентацыі тэарэтычнага матэрыяла і практычныя заданні, але і дадатковыя заданні, якія можна прапанаваць студэнтам выконваць для атрымання больш высокіх балаў, а таксама гістарычныя і літаратурныя фонавыя экскурсы, якія дапамогуць сыстэматызаваць веды студэнтаў у адпаведных галінах. Можна падсумаваць, што на дадзены момант менавіта падручнік М.М. Славяцінскай – аптымальны для навучання наступнага пакалення студэнтаў-класікаў старажытнагрэчаскай мове. Магчыма, калі мы пазбавімся ад залішняга кансерватызму, мы зможам дадаткова ўжываць падручнікі

старажытнагрэчаскай мовы, пабудаванья згодна з камунікатыўнай методыкай [5], але тут паўстае пытанне мовы навучання, якое можа быць вырашана альбо праз стварэнне ўласных беларускамоўных падручнікаў адпаведна высокага ўзроўню, альбо праз пераклад і беларускую лакалізацыю існуючых падручнікаў.

Наконт падручніка лацінскай мовы для студэнтаў-класікаў на дадзены момант пытанне застаецца адкрытым: класічныя падручнікі [3] і інш. не адпавядаюць часавым нормам бібліятэкі БДУ, а для ўжытку падручнікаў камунікатыўнага падыходу [6] не спрыяе таксама іх нязвыкласць для выкладчыкаў.

Дысцыпліны класічнага цыклу: гісторыя антычнасці, антычная літаратура, гісторыя класічных моў і г.д. – таксама вымагаюць стварэння або перакладу і лакалізацыі на беларускую мову.

ЛІТАРАТУРА

1. Гарник, А. В. Латинский язык = *Lingua Latina* : учебник для студентов учреждений высшего образования по филологическим и историческим специальностям / А. В. Гарник, Г. И. Шевченко. — Минск : БГУ, 2012. — 263 с.
2. Зарембо, О. С. Древнегреческий язык : учебное пособие для студентов учреждений высшего образования по гуманитарным специальностям / О. С. Зарембо, К. А. Тананушко ; под ред. А. В. Гарник. — Минск : БГУ, 2013. — 351 с.
3. Соболевский, С. И. Грамматика латинского языка: теоретическая часть. Морфология и синтаксис : учебное пособие / С. И. Соболевский ; Российская академия образования. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 433 с.
4. Учебник древнегреческого языка : [для преподавателей высшей и средней школы, аспирантов и студентов] / М. Н. Славятинская. – 4-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2023. – 731 с. ; 24x17 см. – Библиогр.: с. 729
5. Maurice Balme, Gilbert Lawall, and The late James Morwood. *Athenaze. An Introduction to Ancient Greek.* / Maurice Balme, Gilbert Lawall, and The late James Morwood. Oxford, 2016. – 464 p.
6. Orberg Н.Н. *Lingua Latina per se illustrata.* / Orberg Н.Н. Kolding, 1991.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КЛИНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ CHOLE-, CHYL-, -CHYLIA

Мокрицкая Т.П.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления клинических терминоэлементов *chole-*, *chyl-*, *-chylia*. Затронуты вопросы дифференциации значений клинических терминоэлементов и терминов, их содержащих.

Ключевые слова: латинская медицинская терминология; терминоэлемент; термин.

Клиническая терминология, как часть медицинской терминологии, изучается студентами начальных курсов медицинских учебных заведений разного уровня. Изучение клинической терминологии начинается на занятиях по латинскому языку и медицинской терминологии и далее продолжается в течение всего периода обучения при прохождении дисциплин практической направленности. В клиническую терминологию принято включать наименования медицинских специальностей и специалистов, названия методов исследования и лечения, медицинских приборов и инструментов, названия заболеваний и состояний. В качестве основного методического подхода при работе с клинической терминологией используется изучение терминоэлементов греко-латинского происхождения и клинических терминов с этими терминоэлементами в составе. Все современные учебники по латинской медицинской терминологии предлагают примерно одинаковое содержание занятий по клинической терминологии. В теоретической части представлены таблицы с терминоэлементами и их латинскими эквивалентами, далее в упражнениях предлагается отработать навык узнавания терминоэлементов и интерпретации присвоенного им значения в составе термина. Пример комплексного блока «теория-практика» представлен ниже:

Таблица

Начальные греческие терминоэлементы	Значение	Латинские эквиваленты
<i>angi-</i> , <i>vas-</i>	сосуд	<i>vas, vasis n</i>
<i>anthrop-</i>	человек	<i>homo, ĩnis m</i>
<i>bio-</i>	жизнь	<i>vita, ae f</i>

Упражнение:

1. *Запишите термины на латинском языке в словарной форме и объясните их значение:* ангиология, антрополог, биология.

Такой методический подход показал себя максимально эффективным для ознакомления с клинической терминологией и способами ее функционирования не только в работе с отечественными студентами на русском языке, но и с иностранными обучающимися на английском языке.

Однако сама клиническая терминология не смогла избежать некоторых явлений, таких как омонимия и синонимия терминов и терминоподобных элементов, которые присущи любой терминосистеме из-за особенностей процесса создания и функционирования. Вопросы синонимии и омонимии клинических терминоподобных элементов и терминов часто рассматриваются в научных публикациях, что вносит дополнительную ясность и позволяет лучше систематизировать лексический материал.

Предметом нашего исследования стали терминоподобные элементы *chole-*, *chyl-*, *-chylia*, которые обладают разным значением, но из-за некоторого созвучия могут быть неправильно интерпретированы. Рассмотрим каждый из них отдельно.

В современной справочной и учебной литературе терминоподобному элементу *chole-* присвоено значение ‘желчь, желчный, относящийся к желчи’ [1, с. 2090]. Терминоподобный элемент происходит от греческого слова *χολή* ‘желчь’ [1, с. 2090; 2, с. 73]. Желчь – это секрет, вырабатываемый гепатоцитами в печени, желтовато-коричневого или зеленого цвета, выделяется в двенадцатиперстную кишку, участвует в переваривании и всасывании жиров в кишечнике. Примером использования могут быть следующие термины: *cholelithus* ‘холелит, желчный конкремент’ [1, с. 2092], *cholestasis* ‘холестаз, замедление движения желчи в желчных протоках вплоть до полной остановки’ [1, с. 2092] и другие. Однако среди множества клинических терминов, имеющих отношение к желчи, желчному пузырю и желчным протокам, встречаются такие, у которых терминоподобный элемент выступает в усеченном виде – вместо *chole-* мы наблюдаем *chol-*. Примером служат термины *cholaemia* ‘холемия, повышенное содержание в крови составных частей желчи’ [1, с. 2092], *cholangiographia* ‘холангиография, исследование желчных протоков с использованием рентгенологических методов’ [1, с. 2090], *cholangioma* ‘холангиома, опухоль из желчных протоков’ [1, с. 2090]. Этот терминоподобный элемент также встречается в роли конечного в некоторых терминах: *hypercholia* ‘гиперхолия, усиление окраски кала ввиду увеличения содержания продуктов распада билирубина и желчных кислот’ [1, с. 444], *hypocholia* ‘гипохолия, недостаточное поступление желчи в двенадцатиперстную кишку из-за нарушения образования или выделения желчи’ [1, с. 456], *acholia* ‘ахолия, отсутствие или уменьшение поступления желчи в кишечник’ [1, с. 176]. В некоторых учебниках и учебных пособиях, по которым на данном этапе проводится обучение медицинской терминологии, терминоподобный элемент со значением ‘желчь’ в начальном (корневом) варианте представлен только в виде *chole-*, хотя встречаются

термины с усеченным вариантом *chol-*, а также немногие авторы указывают на существование конечного терминоэлемента *-cholia* с тем же значением.

Обратимся к терминоэлементу, который отличается от предыдущего на одну букву *chyl-/chylia*. Словари Улумбекова и Арнаутова отсылают этот терминоэлемент к греческому слову *χυλός* ‘сок’ [1, с. 2083, 2, с. 77]. На первый взгляд конечный терминоэлемент *-chylia* является вариантом начального терминоэлемента *chyl-* как часто бывает в клинической терминологии (*gnath-/gnathia* ‘верхняя челюсть’, *galact-/galactia* ‘молоко’). Но это не соответствует действительности. За начальным терминоэлементом *chyl-* закреплено значение ‘относящийся к лимфе, содержащий лимфу’ [1, с. 2083]. Для лучшего понимания приведем определение понятия *лимфа* ‘жидкая ткань организма, содержащаяся в лимфатических сосудах и узлах; образуется в результате резорбции тканевой жидкости в лимфатические сосуды’ [1, с. 896]. Основная масса терминов, содержащих этот лексический компонент, объединена значением ‘скопление либо наличие лимфы в какой-либо полости’, например *chylopericardium* ‘хилоперикард, скопление лимфы в полости перикарда’ [1, с. 2083], *chylocele* ‘хилоцеле, кистовидное образование, содержащее лимфу’ [1, с. 2084], *chylopoesis* ‘хилопоз, лимфообразование’ [1, с. 2084]. При наличии других оттенков значения, особенно по отношению к лимфоцитам, обычно используется терминоэлемент *lymph-*: *lymphosarcomatosis* ‘лимфосаркоматоз, генерализованная форма лимфосаркомы, характеризующаяся множественным поражением лимфатических узлов’ [1, с. 900], *lymphocytosis* ‘лимфоцитоз, увеличение количества лимфоцитов в периферической крови’ [1, с. 902], *lymphopenia* ‘лимфопения, снижение количества лимфоцитов в периферической крови’ [1, с. 900]. Наличие двух терминоэлементов с подробным пояснением особенностей употребления каждого отражено в учебной литературе, в частности в учебниках А.З. Цисыка по латинскому языку и медицинской терминологии, предназначенных для разных специальностей. В учебной литературе также присутствует упоминание о конечном терминоэлементе *-chylia* со значением ‘секреция желудочного сока (соляной кислоты и ферментов)’ [4, с. 348; 3, с. 135]. Наличие такого значения подтверждают следующие термины: *achylia* ‘ахилия, отсутствие желудочного сока или других пищеварительных секретов’ [1, с. 175], *hypochylia* ‘гипохилия, пониженное отделение какого-либо пищеварительного сока’ [1, с. 456], *hyperchylia* ‘гиперхилия, повышенное выделение желудочными железами соляной кислоты и ферментов’ [1, с. 445]. Исходя из изложенного выше, мы можем утверждать, что терминоэлементы *chyl-/chylia* должны считаться разными терминоэлементами, а не вариантами одного и того же, несмотря на одинаковое происхождение.

В результате проведенного исследования мы можем констатировать, что не только разница в одну букву, но и разница в значении начального и конечного терминоэлемента может быть существенной. На примере терминоэлементов *chyl-* и *-chyliа* можно проследить явление омонимии. Мы можем рекомендовать авторам учебной литературы по клинической терминологии не вносить терминоэлементы *chole-* и *chyl-* в одно занятие для того, чтобы избежать путаницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаудов Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках : Latinumpусский-english-français-deutsch = Terminologia Medica Polyglotta = Medical Terminology in Five Languages = Terminologie Medicale en cinq Langues = Medizinische Terminologie in Funf Sprachen / д-р Г. Д. Арнаудов ; [пер. с болг. В. В. Завьялова]. – 4-е рус. изд., испр. – София : Медицина и физкультура, 1979. – XXIV, 943 с.
2. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. Э.Г. Улумбекова. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2263 с.
3. Капитула Л.С. Латинский язык / Л.С. Капитула. – Минск: БГМУ, 2022. – 220 с.
4. Цисык А.З. Латинский язык (Lingua Latina) / А.З. Цисык. – Минск: Новое знание, 2017. – 465 с.

КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ОТ СПЕЦКУРСОВ К ФАКУЛЬТАТИВУ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Мушнина Л.Н.

РГПУ им. А.И. Герцена (РФ, Санкт-Петербург)

Аннотация. В статье рассматривается история преподавания классических языков и античной культуры в Российском педагогическом университете им. А.И. Герцена. Отмечается снижение внимания к изучению древних языков и сокращение учебных часов на их освоение. Автор делится опытом по адаптации к сложившимся условиям преподавания древних языков на гуманитарных факультетах высшей школы.

Ключевые слова: латинский язык, древнегреческий язык, древние языки и культуры, культурология, факультативные занятия, СНО по древним языкам.

До начала 2000-х годов латинский язык (и отчасти древнегреческий) преподавался в РГПУ на многих гуманитарных факультетах силами специалистов-классиков, чья основная нагрузка была сосредоточена на факультете иностранных языков. Другими словами, латынь преподавали на самом факультете иностранных языков (на всех отделениях), латынь и древнегреческий – на факультете социальных наук (он же исторический), а также по выбору (латынь / древнегреческий) на филологическом факультете. Кроме того, древнегреческий преподавался на отделении теологии по специальным учебникам [3, 6].

Однако с введением Министерством высшего образования Российской Федерации усеченного курса латинского языка (36 часов в I-м семестре), а также с введением 36-часового курса «Древние языки и культуры» для гуманитарных специальностей университетов, картина внезапно изменилась. Многие факультеты приспособили курс «Древние языки и культуры» под свои нужды, то есть организовали на соответствующих факультетах что-то типа спецкурсов с таким же названием, где содержание варьируется в зависимости от профессиональной направленности конкретных гуманитарных факультетов (исторический, философский и т. д.). В результате латынь и древнегреческий «как бы» вошли в эти курсы древних языков и культур, но сами древние языки там или совсем не изучаются, или преподаются разнообразными «любителями» древних языков. На филологическом факультете РГПУ в течение 15 последних лет латынь вовсе не изучается. Здесь следует отметить, что филологический факультет РГПУ им. А.И.Герцена – это фактически отделение русского языка и литературы, где есть также специальность «русский язык как иностранный». На этом факультете произошла чудовищная подмена: был введен курс «Древние

языки», но под древним языком стали подразумевать в этом курсе не латынь и не древнегреческий, а старославянский язык. Он, несомненно, необходим студентам-русистам, однако старославянский никоим образом не может заменить студентам знание латинского или древнегреческого, которые ранее преподавались на отделении русского языка и литературы. Данный факт достоин сожаления: это ограничивает общую филологическую культуру студентов-русистов, лишает их возможности расширить свой научный кругозор в области языкознания, истории языка, литературоведения, научной терминологии и т. д.

Как справедливо заметила Н.Л. Кацман, курс «Древние языки и культуры», введенный в том числе на факультетах иностранных языков российских ВУЗов, на практике включает в себя аспекты языка и элементы культурологии, поэтому его более точное название должно быть «Латинский язык и античная культура» [4, с.130]. В программе этого 36-часового курса предусмотрены 9 лекционных занятий и 9 практических. Лекционную часть этого курса, как правило, составляет теоретический курс латинского языка, но Н.Л. Кацман предлагает часть из них посвятить вопросам культурологии, справедливо приводя тематику таких лекций: история Древней Греции и Рима в кратком изложении, основные литературные памятники античности и т. д. [4, с.130-132]. Мы, со своей стороны, полагаем, что в рамках столь краткого курса это вряд ли можно осуществить в предполагаемом объеме, однако, по возможности, эту тематику следует вводить в контексте лекций и практических занятий.

Учитывая тенденцию к сокращению Министерством высшего образования учебных часов по древним языкам и необходимость более глубокого изучения латинского языка для студентов-романистов, кафедра романской филологии РГПУ выделила спецкурс объемом 34 часа для студентов романского отделения 3-го курса (специализация «французский язык» и «испанский язык» по направлению «лингвистика»). Спецкурс имел название «Семантика и поэтика художественных жанров», где, кроме лекций по генезису эпоса, лирики и драмы и отражению этих жанров в культуре изучаемого языка (10 часов лекций), 24 часа уделялись лабораторным занятиям, которые были посвящены переводу и комментариям фрагментов комедии Плавта «Псевдол» (текст комедии с комментариями использовался из доступного учебника латинского языка Я.М. Боровского [1]. Предварительно была прочитана лекция об особенностях фонетики, морфологии и синтаксиса архаического латинского языка [5]. Особое внимание при отборе фрагментов «Псевдола» уделялось наличию разговорных элементов в диалогической речи героев, архаическим формам и структурам (древние формы инфинитива и местоимений, зарождение артикля). Это органично сочеталось с курсом истории французского и

испанского языка, который студенты слушали параллельно. Однако этот спецкурс просуществовал только до 2016–2017 учебного года.

В 2017–2018 учебном году администрация РГПУ с целью расширения общегуманитарного кругозора студентов посчитала необходимым ввести в рамках модуля «Дополнительное образование» лекционный курс «Античное наследие и современная иноязычная культура» (18 часов), адресованный студентам специальности «Педагогическое образование». В этом лекционном курсе основное внимание уделялось происхождению видов и жанров современной литературы, а также рассматривались их античные источники и образцы: эпос, трагедия, комедия, лирическая поэзия и её разновидности (любовная лирика, ода, элегия, идиллия, сатира, эпиграмма и т. д.). Особенное внимание было уделено типологии основных художественных жанров. Так, при рассмотрении эпоса подчёркивалась общность законов эпического жанра, приводились примеры из европейского эпоса («Песнь о Роланде», «Песнь о моём Сиде», «Песнь о Нибелунгах», русские былины и т. д.). В этом курсе речь шла также о влиянии античной лирики на всю европейскую поэзию (лирика Прованса, Петрарка, Вийон, Гёте, Шиллер и т. д.). В разделе о драматическом искусстве Европы речь шла не только об античном влиянии, но и об уникальности происхождения европейского театра. Отдельная лекция была посвящена влиянию античной мифологии на европейскую литературу XX–XXI веков (творчество Ж. Ануя, Дж. Апдайка, К. Вольф и т. д.). В качестве зачёта студенты писали и защищали рефераты на темы связей культуры и литературы стран изучаемого языка с античными источниками. По мнению студентов и преподавателей, данный курс оказался весьма полезен и необходим.

Однако и этот курс просуществовал только два учебных года. В создавшейся ситуации остался единственный доступный вариант расширить у студентов их знания в области античной культуры и древних языков – факультатив по древним языкам. Такой факультатив существует в РГПУ на факультете иностранных языков на постоянной основе, начиная с 2016 года. Занятия проводятся один раз в неделю в течение обоих семестров. Этот факультатив осуществляется на общественных началах, в сетку расписания и в нагрузку преподавателя он не входит. Как правило, в первом семестре большее внимание уделяется углубленному изучению латыни, и его посещают, в основном, романисты (студенты французского, испанского и итальянского отделений). Во втором семестре изучается древнегреческий, куда приглашаются все желающие. Деление это условное, все зависит от ситуации. Иногда, например, на специальность «иностранный язык» поступают несколько студентов из классической гимназии; в этом случае один из семестров посвящается чтению античных авторов: однажды читалась драма Еврипида «Ион», в другом случае по желанию студентов читали тексты Непота и т. д. Однако чаще всего оба семестра посвящаются

изучению древнегреческого языка. В качестве доступного учебника по грамматике используется краткий курс древнегреческого языка под редакцией Л.В. Доровских [2], а еженедельные упражнения – по «Книге упражнений в греческой этимологии» Э. Чёрного. Это пособие выдержало 12 изданий, последнее из которых было осуществлено Рустемом Гимадеевым в 1998 году [7]. Преимуществом этого практического пособия, несмотря на то, что оно выпущено много десятилетий назад, является его простота. Это пособие очень удобно использовать для обучения навыкам работы с 1-м, 2-м, 3-м греческими склонениями существительных и прилагательных, а также глаголом в системе настоящего времени активного, пассивного и медиального залогов. Последующий переход к более сложным темам оказывается более простым и не вызывает у студентов ощущения непреодолимого барьера. В работе этого факультатива используются выборочно также и другие пособия. В дальнейшей работе осуществляется переход от простых учебных текстов к чтению басен (Эзоп), фрагментов «Анабасиса» Ксенофонта и т. д.

Внутри факультатива, как правило, студенты обсуждают тематику докладов для ежегодной конференции по античности. Эти доклады готовятся также и не членами факультатива, однако наиболее глубокие, содержащие момент исследования, осуществляются именно участниками факультатива. Ежегодная конференция обычно проводится в конце апреля – середине мая, в её составе обычно 10–12 докладов. Конференция пользуется популярностью, её посещают многие студенты, благодаря её научно-познавательной тематике.

Таким образом, факультатив превратился в студенческое научное общество (СНО), в рамках которого, кроме изучения древних языков, ещё и осуществляется подготовка работ для научной конференции, формируются навыки научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровский Я.М., Болдырев А.В. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов / Я.М.Боровский, А.В.Болдырев – Москва: Высшая школа, 1975. – 480 с.
2. Древнегреческий язык. Учебное пособие. / Л.В.Доровских. Москва: Издательство «Флинта», 2020 – 132с.
3. Звонская-Денисюк Л.Л. Греческий язык Нового Завета. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Учебник для духовных учебных заведений / Л.Л. Звонская-Денисюк – Санкт-Петербург: Библия для всех, 2002. – 360 с.

4. Кацман Н.Л. Культурологический аспект курса «Древние языки и культуры» в системе современного гуманитарного образования в РФ / Н.Л.Кацман // Индоевропейское языкознание и классическая филология X: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М.Тронского. – Санкт-Петербург, 2006 – с.130-139.
5. Малинаускене Н.К. Введение в историю латинского языка. Общие вопросы и доклассический период. Курс лекций. / Н.К.Малинаускене – Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 2001. – 155с.
6. Мейчен Дж.Г. Учебник греческого языка Нового Завета. Перевод на русский язык и адаптация текста А.А.Руденко / Дж. Г. Мейчен – Москва: Российское библейское общество, 2006. – 239 с.
7. Чёрный Э. Книга упражнений в греческой этимологии. По руководству П.Везенера. Издание 12–е под редакцией Р.А.Гимадеева / Э.Чёрный. Москва: Ежегодник православной классической школы, издаваемый православной классической гимназией в Москве, 1998. – 321с.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И КЛАССЫ ХИМИКО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Протасевич Н.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье акцентируется внимание на возможность ознакомления с латинской биологической терминологией учащихся средней школы в классах химико-биологического профиля.

Ключевые слова: классы химико-биологического профиля, латинский язык, латинская химико-биологическая терминология.

В настоящее время в Республике Беларусь латинский язык изучается только в высших учебных заведениях на всех гуманитарных факультетах и некоторых естественнонаучных (химический, биологический), а также в медицинских, высших и средне-специальных, учреждениях образования. На просторах постсоветского пространства латинский язык уже долгое время преподается в средних учебных заведениях, филологами-классиками написаны учебники даже для младших классов школ по латинскому и древнегреческому языку, например, в «Классической гимназии при Греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина».

В нашей стране в средних школах в старших классах есть так называемое профильное обучение. Так, например, в учебной программе факультативных занятий для X–XI классов «В мире техники и технологий: выбираем инженерную профессию» (по учебным предметам «Информатика», «Физика», «География», «Математика», «Химия», «Биология») сказано, что данная программа предназначена для проведения в X–XI классах факультативных занятий по формированию технологической культуры учащихся как одного из элементов общей и профессиональной культуры будущего инженера [2].

Такие классы с изучением отдельных учебных предметов на повышенном уровне формируются из числа лиц, имеющих по завершении обучения и воспитания на II ступени общего среднего образования по данным учебным предметам отметки не ниже 7 баллов. Это могут быть физико-математический, химико-биологический, гуманитарный, информационно-технологический, лингвистический, социально-экономический классы. Прохождение курсов учебных предметов на повышенном уровне ориентирует учащихся на подготовку к последующему профессиональному образованию, развитие индивидуальных способностей путем более глубокого изучения основ наук, систематических знаний и способов действий, присущих данному учебному предмету.

Как пишут на сайте одной из белорусских школ, «профильное обучение – это система организации образовательного процесса на основе дифференциации и индивидуализации обучения, позволяющая наряду с получением учащимися качественного общего среднего образования обеспечить соответствующие условия для успешного профессионального самоопределения и полноценной социализации с учетом их способностей, склонностей и интересов» [1].

На занятии с учащимися химико-биологического профиля филолог-классик может оказаться весьма полезным и познакомить, например, с историей формирования латинской медико-биологической терминологии, латинскими названиями химических элементов, родовидовыми названиями животных и растений, биологическими словообразовательными терминологическими элементами.

Напомним, что в современных международных биологических кодексах есть отдельная статья, напоминающая о том, что научные названия всех систематических групп растительного и животного мира должны быть латинскими или латинизированными, даже если они заимствованы из других языков. Так, ученый-систематик Ч. Джеффри выделяет эту разновидность латыни как современный самостоятельный научный язык, который произошел от латинского языка эпохи Возрождения, но в значительной степени обогащенный множеством слов, заимствованных из древнегреческого языка и других, неизвестных в классической латыни.

Так, рассказывая о латинских названиях животных и растений, учащимся средней школы следует объяснить, что родовидовые отношения, положенные шведским ботаником и врачом Карлом Линнеем в основу биномиальных названий вида в зооботанической номенклатуре, признаны универсальным принципом формирования медико-биологической терминологии. Карлу Линнею принадлежит известное выражение: «*Nomina si nescis, perit cognitio rerum*» («Если ты не знаешь названий, то теряется и познание вещей»), подтверждающее, что знание биологических терминов очень важно. Наиболее употребительной терминологической единицей биологической номенклатуры является атрибутивное двучленное словосочетание, то есть, словосочетание, состоящее из главного слова и одного определяющего его слова. Бинарная структура термина предполагает комбинацию родового понятия (общее название) и характерного признака объекта номинации (видовой эпитет), которая легко дифференцирует какой-нибудь предмет, сопоставляя его с другими такими же, которые имеют или, наоборот, не имеют отличительного признака.

Интересными для обсуждения с учащимися химико-биологического профиля являются номенклатурные названия представителей флоры и фауны, которые представляют собой особую группу терминов, где употреблены мифологизмы, чаще теонимы. Отметим, что в бинальных

терминах они могут использоваться в функции главного и зависимого слова в атрибутивном словосочетании. Как правило, они выступают в роли родовых названий, например, у растения *Asclepias syriaca* ‘ваточник жгучий’, у моллюска *Argonauta nodosa* ‘аргонавт узловатый’, у бабочки *Sphinx pinastri* ‘бражник сосновый’. В качестве примеров мифологизмов видовых названий могут выступить следующие термины: гребневик *Cestus venēris* ‘Венерин пояс’, *Coluber najadum* ‘полоз оливковый’, бабочки *Satyrus dryas* ‘бархатница дриада’ и *Satyrus circe* ‘бархатница цирцея’, а также крупнейший представитель рода *Dynastes hercules* ‘жук-геркулес’. В последнем примере нельзя не вспомнить о древнегреческом герое, сочетающем физическую силу и остроту ума, Геракле. Школьники без труда вспомнят о его двенадцати подвигах, а также произведение Фазиля Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла» из курса школьной программы по литературе. Напомним, что, если Геракл совершал свои подвиги из храбрости, то главный герой в названном выше художественном произведении совершил свой «подвиг» из трусости. Таким образом, мифологический и культурологический комментарий о богах и героях Древней Греции будет способствовать более глубокому и осмысленному знакомству в курсе ботаники и зоологии с названиями животных и растений уже в рамках средней школы.

Еще одним предметом для ознакомления на занятии с учащимися химико-биологического профиля могут быть сложные слова, образованные с помощью словообразовательных элементов греческого и латинского происхождения: *cyt-o-logia* ‘наука о строении и функции клетки’, *heter-o-phyllus* ‘разнолистный’, *tetr-andrus* ‘четырёхтычиночный’, *plat-ūrus* ‘широкохвостый’, *hydr-o-lýsis* ‘реакция разложения вещества с участием воды’. Греко-латинские терминологические элементы, как и весь понятийно-категориальный аппарат на латинском языке, следует знать наизусть и использовать, как это принято в мировой практике, в среде специалистов-биологов. Например, корневой терминологический элемент *-phyll-* ‘лист’ имеет стабильное значение и встречается в следующих терминах: *phyllophýton* ‘растение с листовым покровом’, *phylloτάxis* ‘листорасположение’, *isophyllus* ‘равнолистный’, *aphyllus* ‘безлистный’, *dasyphyllus* ‘густоколистный’, *phyllogenēsis* ‘листообразование’.

В следующем примере школьники легко выделяют слово, знакомое по белорусскому или английскому языку, повторяющееся в данных биологических терминах: *lignicōlor* ‘цвета древесины, древесинно-желтый’; *conpōlor* ‘одинаковой окраски, одноцветный’; *multicōlor* ‘многоцветный’; *prunicōlor* ‘сливовый’; *sinaricōlor* ‘горчичный’; *versicōlor* ‘разноцветный пестрый’; *vinicōlor* ‘винно-красный, бордовый’.

Осознанность выбора профиля обучения (профильного класса), т. е. первого профессионального выбора, – одно из наиболее важных условий успешной профессиональной реализации в будущем. Для того, чтобы он был

действительно самостоятельным, осознанным и независимым для учащихся, такие занятия с филологами-классиками, без сомнения, позволят глубже осмыслить изучаемый предмет и принесут пользу в дальнейшем обучении по выбранному направлению в средне-специальном или высшем учебном заведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГУО «Средняя школа № 1 г Минска имени В.П Чкалова» / Режим доступа:<http://sch1.minsk.edu.by/ru/main.aspx?guid=24141> – Дата доступа: 30.01.2024
2. Национальный образовательный портал / Режим доступа: <https://adu.by/ru/pedagogam/profilnye-klassy.html> – Дата доступа: 30.01.2024

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПЕРЕВОДА НА ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК РУССКИХ ГИСТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Ромашкевичус С.К.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы лексико-семантической дифференциации перевода гистологических терминов «оболочка» и «слой», представленных в современной Международной гистологической номенклатуре. Обоснована необходимость создания учебного русско-латинского словаря синонимических понятий в гистологической терминологии.

Ключевые слова: Международная гистологическая терминология, дифференциация латинских эквивалентов терминов «оболочка» и «слой», учебный русско-латинский словарь синонимических понятий.

Вышедшая в 2009 году Международная гистологическая терминологии на латинском, русском и английском языках [2] до сих пор предоставляет латинистам медицинских вузов богатый лингвистический и лексико-терминологический материал для изучения и методических рекомендаций, которые могут быть использованы в учебном процессе. В частности, сегодня мы рассмотрим проблему лексико-синтаксической дифференциации латинского материала при переводе с русского языка тех терминов, у которых при совпадении их русского эквивалента при переводе на латинский язык могут оказаться различные лексико-семантические структуры. В рамках данного доклада мы сосредоточим наше внимание на примерах из Международной гистологической терминологии (в дальнейшем МГТ), относящихся к терминам «оболочка» и «слой» и формах их перевода в латинских эквивалентах.

Так, в МГТ мы нашли 127 терминов, которые включают существительное «оболочка». Чаще всего это понятие переводится латинским существительным *tunīca*.

Например, губчатая оболочка – *tunīca spongiōsa*; мышечная оболочка влагалища – *tunīca musculāris vagīnae*.

В то же время имеются термины, в которых понятие «оболочка» и в русском, и в латинском эквивалентах переводится субстантивированным прилагательным:

- 1) собственно сосудистая оболочка (хороида) – *choroidea*;
- 2) децидуальная слизистая оболочка (отпадающая слизистая оболочка) – *mucōsa deciduālis*;
- 3) синовиальная интима (синовиальная внутренняя оболочка) – *intīma synoviālis*.

В двух случаях существительное «оболочка» переводится на латинский язык разными существительными в зависимости от анатомического образования: серозная оболочка матки – *tunīca serōsa utēri*, а серозная оболочка сердца – *tela serōsa cordis*.

Термин «миелиновая оболочка» в МГТ на латинский язык переводится как *stratum myelīni*. Отметим, что в МГТ слово *stratum* имеет преимущественно значение «слой», например: *stratum basale* – базальный слой, *stratum adiposum* – жировой слой; *stratum cellularum arachnoidearum cupularium* – слой чашевидных клеток паутинной оболочки.

Термин «средняя оболочка» переводится на латинский язык по схеме «существительное + согласованное прилагательное 1 группы»: средняя оболочка артерии – *tunīca media arteriae*; средняя оболочка вены – *tunīca media venae*.

Но в русском варианте данного термина употребляется еще и субстантивированное прилагательное: средняя оболочка артерии – медия артерии; средняя оболочка вены – медия вены.

В целом в МГТ встречается 5 терминов, включающим существительное «медия».

Термины «мягкая оболочка» и «паутинная оболочка» передаются латинскими терминами: *pia mater* и *arachnoidea mater*. В то же время термин «паутинная и мягкая оболочки» передается одним словом, состоящем из двух греческих корней – *leptomeninx*. Подобным образом термин «оболочки мозговые» передается однословным латинским вариантом *meninges*.

В ряде случаев в латинском варианте термина отсутствует существительное *tunīca*, но употребляется прилагательное *arachnoideus, a, um*, которое согласуется с соответствующим существительным: *granulatio arachnoidea* – грануляция паутинной оболочки, *trabecūla arachnoidea* – трабекула паутинной оболочки; *stratum cellulārum arachnoideārum cupularium* – слой чашевидных клеток паутинной оболочки.

В терминах «митохондральная оболочка», «оболочка ядра» и «оболочка нейрона» («покров нейрона») существительное «оболочка» выражается словом *tegumentum*: *tegumentum mitochondrale*; *tegumentum nucleare*; *tegumentum neuronale*.

В двух латинских эквивалентах термина «прозрачная оболочка» употребляются существительные *zona* и *capsula*: *zona pellucida*; *capsula pellucida*.

В латинском эквиваленте термина «соединительнотканная оболочка фолликула» понятие «оболочка» передается существительным *theca*: *theca folliculi*.

А сейчас попытаемся определить способы передачи на латинский язык понятия «слой». Мы уже упоминали о том, что латинский эквивалент этого понятия *stratum* иногда совпадает со значением «оболочка». Посмотрим,

какие еще латинские существительные используются для передачи понятия «слой».

Прежде всего, следует отметить, что существительное «слой», как и «оболочка», принадлежит к самым употребительным терминам МГТ и употребляется в 157 терминах. Почти всегда это понятие передается в латинских терминах существительным *stratum, i n.* Мы обнаружили только 9 исключений из этого правила. Так, в пяти случаях понятие «слой» передается существительным *lamina: lamina epithelialis* – эпителиальный слой; *lamina endotheliocytica* – слой эндотелиальных клеток; *lamina pneumocyta* – слой альвеолярных клеток; *lamina cellularum squamosarum vestibularium* – вестибулярный слой плоских клеток; *lamina neurothelialis claustris arachnoidei* – пограничный клеточный слой паутинной оболочки.

В двух случаях понятие «слой» передается существительным *tela: tela choroidea* – сосудистый слой; *tela subendocardica* – субэндокардиальный слой.

И еще в двух случаях понятие «слой» передается существительными *panniculus* и *theca: panniculus adiposus* – жировой слой и *theca interna* – внутренний слой теки.

В результате проведенного анализа функционального употребления терминов «оболочка» и «слой» в русских и латинских вариантах МГТ мы, как и предполагалось, обнаружили отсутствие полной унификации передачи указанных существительных в их латинских эквивалентах.

Так, для выражения понятия «оболочка» в латинских терминах употребляются 8 существительных (*capsula, mater, stratum, tela, tegumentum, theca, tunica, zona*), среди которых слово **tunica** является наиболее частотным.

Для передачи латинского варианта понятия «слой» употребляются существительные *lamina, panniculum, stratum, tela, theca*, из которых в подавляющем количестве терминов употребляется существительное **stratum**.

Таким образом, для студентов, изучающих дисциплину «Гистология», существует проблема выбора нужного варианта латинского эквивалента при переводе данного термина на латинский язык. И эта проблема касается не только упомянутых выше понятий «оболочка» и «слой», но и многих других, встречающихся в МГТ. Решить ее можно, на наш взгляд, следующим наиболее оптимальным образом: составить и подготовить к публикации словари, помогающие дифференцировать употребление в латинских терминах изоморфных русских существительных и прилагательных. Такую работу латинистам, естественно, лучше всего провести в сотрудничестве с преподавателями-гистологами. У латинистов БГМУ уже имеется опыт подобного рода работы с анатомами нашего вуза, в результате чего изданы два методических пособия [1; 3], помогающие преподавателям и студентам

осуществлять правильный подбор латинской лексики при переводе на латинский язык анатомических терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьева, А.Г. Существительные одного смыслового ряда в анатомической номенклатуре (толковый словарь): учеб.-метод. пособие / А.Г.Авксентьева, О.Л.Жарикова. – Минск: МГМИ, 1977. – 33 с.

2. Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов. Под редакцией чл.-корр. РАМН В.В.Банина и проф. В.Л.Быкова . – М.: «ГЕОТАР-Медиа», 2009. – 272 с.

3. Руденок, В.В. Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии: учеб.-метод. пособие / В.В. Руденок, А.З.Цисык. – 2-е изд., доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 47 с.

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕЙМИНГЕ

Сединина-Барковская Ю.А.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается разработка исследовательских заданий для студентов в процессе изучения дисциплины «Античная мифология».

Ключевые слова: античная мифология; нейминг; практикоориентированный подход; проектная деятельность.

Древние римляне говорили: «*Nomen est omen* (Имя – знамение)». Это крылатое выражение восходит к комедии Плавта «Перс» (623-628) и означает, что само имя несет информацию о своем носителе. В современном деловом мире подбором названий занимаются специалисты по маркетингу, а сам процесс называется неймингом.

Ни для кого не секрет, что античная культура является фундаментом современной цивилизации. Античный мифологический материал служит своеобразным связующим звеном между различными культурными и историческими эпохами. Отпечаток античной мифологии мы можем найти в понятийной базе любого европейского языка, начиная от научной терминологии и заканчивая понятиями, сопровождающими нашу повседневную жизнь. Поэтому неудивительно, что при создании названий фирм и предприятий, представлении на рынке новых товаров и услуг маркетологи часто обращаются к этому источнику. Например, такое привычное для нас название овсяных хлопьев «Геркулес» появилось в начале XX века. Каша из расплющенного зерна предлагалась как более простая в приготовлении альтернатива традиционной каше из целых зерен. В рекламной компании производители уверяли, что при регулярном употреблении продукта можно стать таким же сильным и крепким, как знаменитый герой античных мифов, а новинка быстро стала популярной. Современные неймеры также часто черпают идеи из античного источника, но, к сожалению, результат оказывается удачным далеко не всегда.

Одной из основных целей организации учебного процесса в настоящее время является подготовка конкурентоспособных специалистов, способных творчески решать поставленные перед ними задачи. Необходимо не только помочь студентам овладеть фундаментальными знаниями, но и научить применять их в реальной жизни. Поэтому в процессе изучения студентами специальности «Классическая филология» такой дисциплины как «Античная мифология» представляется целесообразным использовать различного рода исследовательские задания. Например, можно предложить студентам оценить результаты деятельности современных неймеров, опираясь на полученные знания по античной мифологии, или попробовать в нейминге

собственные силы. Исследовательская деятельность поможет сформировать у студентов умения находить новые, неожиданные и оригинальные идеи, формировать доказательную базу, выстраивать аргументацию, определять и демонстрировать закономерности процесса.

В качестве примера рассмотрим одно из реально существующих «мифологических» названий. Старейшая из негосударственных страховых компаний в Беларуси, осуществляющая свою деятельность более 30 лет, носит название «Кентавр». Информация на официальном сайте гласит: «Основываясь на классических видах страхования, ЗАО «КЕНТАВР» предоставляет широкий спектр страховых услуг, а также комплексные программы страхования юридических и физических лиц». Видимо, именно традиционность и устойчивость страхового общества должны были подчеркнуть как название, так и логотип компании – кентавр, обеими руками поднимающий над головой лавровую ветвь. Однако связь с классическими источниками по античной мифологии представляется нам далеко не такой очевидной.

В древнегреческой мифологии кентавры (κένταυροι) представляют собой миксантропические существа, совмещающие черты человека и коня. Традиционная этимология названия трактуется как «охотники на быков» (от κεντέϊν и ταῦρος) или «всадники, погонщики (лошадей)» (от κέντορες ('ἵπλων)) [2, 313].

Их традиционный визуальный образ с детства хорошо знаком каждому, кто немного интересуется мифологией. В то же время античные изображения кентавров очень редко носят мирный характер. В качестве примеров достаточно вспомнить изображения кентавромахии на меропе Парфенона (430-е гг. до н.э.) или кентавров, сражающихся с дикими животными, на римской мозаике II в. н.э., хранящейся в Государственных музеях Берлина. На данном изображении центральный кентавр также поднимает руки над головой, но только с огромным камнем.

В античной мифологии кентавры наделены животной страстью к вину и женщинам и постоянно враждуют со своими соседями – лапифами, используя в качестве оружия камни и вырванные с корнями деревья (Гомер «Одиссея» XXI, 295-304; Овидий «Метаморфозы» XXII, 210-535; Аполлодор «Мифологическая библиотека» II, V, 4; Эпитома I, 21). У Гомера кентавры вообще называются θῆρες – «животные» («Илиада» I, 268; II, 743).

С одной стороны, древние кентавры в мифах являются воплощением суровой природной мощи. Согласно греческим мифам, они ведут свой род от оскорбителя богов Иксиона и облака, которому Зевс придал облик Геры (Пиндар «Пифийские оды» II, 33-89).

С другой стороны, виднейший исследователь древнегреческой мифологии Р. Грейвс полагает, что в образе кентавров нашли воплощение примитивные племена горцев доэллинического субстрата, населявшие Северную

Грецию [1, 274]. В то же время профессор Виргинского университета Д. Г. Уайт в своей работе «Мифы о человекособаке» выдвигает гипотезу, что подобные миксантропические существа в мифах и легендах населяют «задворки» обитаемого мира, которые в современной цивилизации принято называть «странами третьего мира». Их облик и дикость нравов призваны подчеркнуть более низкую ступень культурного развития, а недостаточная цивилизованность служит оправданием их завоевания и подчинения более «цивилизованными» этносами [5, 4–5].

В качестве олицетворения стихийных сил природы кентавры в древнегреческой мифологии также являются носителями стихийной сексуальности, причем достаточно агрессивного характера. Кентавр Несс, перевозя через реку на своей спине юную Деяниру, вдруг, охваченный страстью, пытается ее похитить и гибнет от стрел Геракла:

Чрез Евен глубокий
Кентавр людей переправлял за плату,
Без паруса и весел, на руках.
Когда я молодой женой Геракла
Уехала, покинув дом отцовский, -
Меня он нес. Вдруг посредине брода
Бесстыдною рукой меня схватил.
Я вскрикнула. Геракл мой в тот же миг
Крылатую пустил стрелу, и в грудь
Она со свистом чудищу вонзилась.

(Софокл «Трахинянки», 573-582. Перевод С. Шервинского) [4, 256].

Яркими красками рисует попытку кентавров похитить невесту и других женщин на свадьбе лапифа Перифоя Овидий:

...твое, о кентавр из свирепых свирепейший, Эврит,
Сердце вино разожгло и краса молодой новобрачной,
В нем опьянения власть сладострастьем удвоена плотским!
Сразу нарушился пир, столы опрокинуты. Силой
Вот уже буйный схватил молодую за волосы Эврит,
Гипподамию влачит, другие – которых желали
Или могли захватить; казалось, то – город плененный.
Криками женскими дом оглашаем.

(«Метаморфозы» XII, 219-226. Перевод С. Шервинского) [3, 260].

Мифологические буйства закончились для кентавров весьма печально – они были частично перебиты Тесеем и Гераклом, частично изгнаны из родных мест. Таким образом, как нам кажется, эти мифологические персонажи едва ли могут являться символом стабильности и безопасности.

В то же время следует отметить, что два представителя буйного племени кентавров выгодно отличаются от своих сородичей. В первую

очередь назовем легендарного Хирона – одного из древнейших кентавров, сына Кроноса и океаниды Филиры, обучившего врачеванию самого Асклепия. Гомер называет Хирона «справедливейший всех из кентавров» («Илиада» XI, 832. Перевод Н. Гнедича). В древнегреческой мифологии именно этот кентавр выступает в роли воспитателя таких великих героев, как Диоскуры, Тесей, Ясон, Ахилл. Он обучил их музыке, врачеванию, гимнастике и прорицанию, а также «добрый внушил ... нрав» (Овидий «Фасты» V, 410. Перевод Ф. Петровского).

Также в древнегреческой мифологии кентавр Фол, сын Селена и нимфы Мелии-«ясеновой», наряду с легендарным Хироном является воплощением мудрости и благожелательности. Впрочем, в то же время в XII песни «Ада» он охарактеризован Данте как кентавр «с душой грозовой» («Божественная комедия». «Ад» XII, 72. Перевод М. Лозинского.). В мифе Фол является другом Геракла и случайно гибнет, оцарапавшись стрелой, смоченной в яде Лернейской гидры (Аполлодор «Мифологическая библиотека» II, 5, 4). Однако эти два кентавра являются скорее исключениями, чем общим правилом. Таким образом, можно прийти к выводу, что название компании с точки зрения компетентного исследователя выбрано не самое удачное.

Результатом поисковой деятельности студентов в рамках дисциплины «Античная мифология» может стать подготовка различных творческих проектов. Такой опыт на кафедре классической филологии БГУ уже есть. Итогом совместной работы студентов первого и пятого курсов стал обучающий фильм на английском языке «Myths around us» («Мифы вокруг нас»). Руководителем проекта выступила старший преподаватель кафедры Ю. А. Сединина-Барковская. Проект преследовал цель путем включения студентов-первокурсников в эвристический поиск активизировать их творческое мышление, выработать способность перенести знания и умения, полученные на занятиях, в новую нестандартную ситуацию создания художественного объекта.

Создатели фильма в игровой форме продемонстрировали, какие ошибки совершаются при выборе для фирм и торговых марок названий, основанных на классических мифах. Было проанализировано неудачное использование таких мифологических персонажей, как менады, дриады и Одиссей. Перед камерой студенты перевоплотились в древнегреческих богов и героев, которые старались предотвратить опасность, нависшую над людьми. В видеоработе они убедительно доказали, что современные методы продвижения товаров и услуг должны быть основаны на глубоком понимании мифологии Древней Греции и Рима как одной из основ европейской культуры, иначе это может привести к курьезным ошибкам.

Фильм белорусских студентов был представлен 15 мая 2018 г. на заседании Our Mythical Workshops II, который состоялся с 14 по 20 мая на

базе Варшавского университета, и размещен на YouTube-канале филологического факультета БГУ. Сами студенты отметили, что участие в работе над проектом дало им коммуникативный опыт, научило принимать нетривиальные решения и работать в команде, способствовало развитию креативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грейвс, Р. Мифы древней Греции. / Р. Грейвс. – М.: Прогресс, 1992. – 624 с.
2. Любкер, Ф. Реальный словарь классических древностей. в 3-х т. / Ф. Любкер. Том 1. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 576 с.
3. Овидий. Собрание сочинений: в 2-х т. / Овидий. — Санкт-Петербург: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. — Т. 2. — 528 с.
4. Софокл. Трагедии / Софокл. – М.: Худож. лит., 1988. – 493 с.
5. White, D. G. Myths of the dog-man. / D. G. White. – Chicago, 1991. – 348 с.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРВИЧНОГО УСВОЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

Скоропадская А.А., Бубнова А.А., Машакова Е.О.

Петрозаводский государственный университет

Аннотация. В статье представлены результаты студенческого проекта проведенного в рамках дисциплины «Классический тезаурус филологической терминологии». В рамках проекта исследователи апробировали методику ассоциативного эксперимента на материале лексики английского, латинского и древнегреческого языков.

Ключевые слова: латинский язык, английский язык, лексема древнегреческого происхождения, ассоциативный эксперимент.

Классические языки – обязательный, но, к сожалению, всё более и более сокращающийся компонент высшего образования. Между тем не требует доказательств тот факт, что изучение латыни и древнегреческого языка является важным не только для филологов-классиков, но и для многих других специальностей, зачастую далеко отстоящих от филологии (не отступая в рассуждения на эту тему, сошлемся на уже ставшую классической монографию Н. К. Малинаускене [2]). Практическая значимость этого изучения связана, прежде всего, с освоением терминологической системы конкретной специальности. С точки зрения высшего образования, именно прагматический аспект современного бытования древних языков может служить мотивацией для обучающихся по филологическим программам. Н. И. Данилиной замечено, что «во многих терминоведческих исследованиях классическим языкам отводится весьма скромное место – указание на них как на источник, а способы подачи этимологической информации в терминологических словарях до сих пор не унифицированы» [1, с. 282-283]. Именно эта проблема была положена в основу дисциплины «Классический тезаурус филологической терминологии», включенной в магистерскую программу Института филологии Петрозаводского государственного университета «Филология – наука и творчество».

Несмотря на то, что Петрозаводский государственный университет выпускает студентов по направлению «Классическая филология», на магистерскую программу поступают не только (точнее – не столько) «классики». Дисциплина читается на первом курсе первого семестра и, по сути, включает в себя изучение элементарных уровней двух древних языков (древнегреческого – впервые для обучающихся, и латинского – в режиме повторения, так как этот язык изучался на 1-м курсе бакалавриата) в контексте их влияния на русский язык и ряд современных европейских языков. Такой компаративистский подход позволяет установить диахронические связи между древними (классическими) и современными

языками, а также определить актуальные словообразовательные процессы в этих языках на примере научной терминологии – одной из самой динамично развивающихся отраслей.

Специфика материала обуславливает применяемые в рамках дисциплины методы обучения: с одной стороны, это практическое освоение языкового материала, а с другой – выявление межъязыковых связей путем анализа и аналогии. Основным оценочным средством дисциплины является проект – комплекс учебных и исследовательских заданий, тематически связанных с конкретной отраслевой терминологией в ракурсе классических языков. Цель проекта – отработка навыка самостоятельного проведения научного исследования по теме, отражающей связь классических языков с современными терминосистемами на примере русского и одного из европейских языков. Например, «Аффиксация как способ терминообразования в русском и английском языках (на примере юридической терминологической системы)», или «Словосложение как способ словообразования в русском и финском языках на примере литературоведческой терминологической системы».

Название магистерской программы («Филология – наука и творчество») накладывает определенные обязательства на преподавателя, который должен учитывать творческие порывы некоторых студентов и подстраивать под них тематику проекта. Так, для А. Бубновой и Е. Машаковой показалось интересным исследовать, насколько идентифицируемы классические языки. Для этого студентки разработали опросник и провели самостоятельное статистическое исследование, опираясь на методику ассоциативного эксперимента, апробированного на греческой лексике В. М. Шаклеиным и А. А. Скомаровской [3].

Целью проекта стало выявление особенностей рецепции лексем древнегреческого и латинского происхождения респондентами, не обладающими филологическим образованием (не изучавшими языки-первоисточники целенаправленно) на материале ограниченной лексической выборки. В выборку входили лексемы английского, латинского и древнегреческого происхождения. Практическая часть исследования проходила в форме онлайн-опроса. Проверялась способность респондентов корректно определить греко-латинские корни современных английских лексем.

Опрос делился на две части:

- 1) сопоставление английской лексемы с соответствующей ей лексемой латинского происхождения (*water – aqua*);
- 2) сопоставление латинской лексемы с соответствующей ей лексемой древнегреческого происхождения. В этой части респондентам были даны небольшие подсказки: около латинской лексемы приводилось ее

английское соответствие (*stella*, англ. *star*), около древнегреческой лексемы – ее латинская транслитерация (ἀστὴρ, *astr-*).

Респонденты делились по следующим категориям:

- 1) возраст;
- 2) изучаемый иностранный язык;
- 3) полученная / получаемая специальность / профиль образования.

Предложенные для определения специальности /профили образования сводились к следующим группам:

- 1) естественные науки;
- 2) общественные и гуманитарные науки;
- 3) технические (прикладные) науки;
- 4) специальность / профиль образования отсутствует.

В опросе приняло участие 72 человека. Из них: респонденты в возрасте 12–18 лет – 16 человек (22,2 %), 18–25 лет – 25 человек (34,7 %), 25–30 лет – 14 человек (19,4 %), 30 лет и старше – 17 человек (23,6 %)

Из опрошенных изучали / изучают: английский язык – 65 человек, финский язык – 6 человек, французский язык – 5 человек, немецкий язык – 5 человек, испанский язык – 2 человека, украинский язык – 1 человек, якутский язык – 1 человек, без знания иностранного – 5 человек.

Полученное / получаемое респондентами образование определялось следующими специальностями /профилями подготовки: технические (прикладные) науки – 27 человек (37,5 %), общественные и гуманитарные науки – 26 человек (36,1 %), естественные науки – 10 человек (13,9 %), специальность/профиль образования отсутствуют – 9 человек (12,5 %).

Предложенные нами для сопоставления английские лексемы были следующие: *water, love, write, hear, place, star, other, over, one hundred, against*.

Лексемы латинского происхождения, с которыми респондентам нужно было сопоставить английские лексемы, сводились к: *audio, locus, amo, super, centum, aqua, stella, alter, contra, scribo*.

После прохождения первой части опроса респондент переходил ко второй части, в которой ему предоставлялась лексема латинского происхождения (с её английским аналогом в скобках рядом) и ряд древнегреческих лексем (с сохранением древнегреческой графики, а также латинским эквивалентом в скобках рядом). (Стоит отметить, что после завершения первой части опроса вернуться к ней респондент уже не мог.)

Предложенными латинскими лексемами были: *stella (star), audio (hear), locus (place), scribo (write), contra (against), aqua (water), alter (other), super (over), amat (love), centum (one hundred)*.

Для сопоставления респонденту предлагались такие древнегреческие лексические соответствия, как: ἑκατόν (*hek(a)t-*), ὑπέρ (*hyper-*), φιλό (*phil-*),

ἑταῖρος (*heter-*), ἀντί (*anti-*), ὕδωρ (*hydr-*), ἀστήρ (*astr-*), τόπος (*top-*), ἀκούω (*aku-*), γράφω (*graph-*).

Примерами обработки результатов опроса могут служить следующие выдержки (все результаты представлены в виде диаграмм в Приложении):

Against

Всего ответов – 72. Правильных – 42 (58,3%), неправильных – 30 (41,7%). Среди неправильно ответивших: респонденты возраста 12–18 лет – 13 человек, 18–25 лет – 10 человек, 25–30 лет – 4 человека, 30 лет и старше – 3 человека.

Изучали английский язык – 26 человек, финский – 2 человека, украинский – 1 человек, испанский – 1 человек, немецкий – 3 человека. Без знания иностранного – 3 человека.

Деление по специальности / профилю подготовки: естественные науки – 4 человека, общественные и гуманитарные науки – 7 человек, технические (прикладные) науки – 11 человек, специальность / профиль образования отсутствуют – 7 человек (см. Приложение).

Audio

Всего ответов: 72. Правильных: 35 (48,6%). Неправильных: 37 (51,4%). Среди неправильно ответивших: респонденты возраста 12-18 лет: 11 человек, 18-25 лет: 16 человек, 25-30 лет: 6 человек, 30 лет и старше: 4 человека.

Изучали английский язык: 31 человек, финский: 3 человека, украинский: 1 человек, испанский: 1 человек, немецкий: 3 человека, якутский: 1 человек, без знания иностранного: 2 человека.

Деление по специальности/профилю подготовки: естественные науки: 3 человека, общественные и гуманитарные науки: 12 человек, технические (прикладные) науки: 14 человек, специальность/профиль образования отсутствуют: 8 человек (см. Приложение).

Alter

Всего ответов: 72. Правильных: 32 (44,4%) Неправильных: 40 (55,6%). Среди неправильно ответивших: 12-18 лет: 11 человек, 18-25 лет: 15 человек, 25-30 лет: 8 человек, 30 лет и старше: 6 человек.

Изучали английский: 38 человек, финский: 2 человека, украинский: 1 человек, испанский: 1 человек, немецкий: 3 человека, якутский: 1 человек, французский: 1 человек, без знания иностранного: 1 человек

Деление по специальности/профилю подготовки: естественные науки: 6 человек, общественные и гуманитарные науки: 14 человек, технические (прикладные) науки: 14 человек, специальность/профиль образования отсутствуют: 7 человек

Как мы видим, процентное соотношение корректно и некорректно данных ответов варьируется от лексемы к лексеме. Можем выделить слова, в которых было сделано большее количество ошибок (*locus* – 40, *alter* – 40, *audio* – 37, *super* – 36, *centum* – 36), меньшее количество ошибок (*water* – 6,

stella – 17, *star* – 18, *write* – 19). Из интересных коллективных ошибок (первый по популярности неправильный ответ) можно отметить выбор лексемы *ἑκατόν* (*hek(a)t-*) для сопоставления с лексемой *locus* (*place*) (вероятно, ввиду проведенной параллели со словом «гектар»).

Зависимости неправильных ответов от изучаемого иностранного языка (в контексте данного исследования) мы не установили. Отметки об английском языке как изучаемом иностранном при данном неверно ответе составляют абсолютное большинство (что неудивительно, учитывая, что всего английский как изучаемый иностранный отметили 65 из 72 человек, многие – в качестве единственного). О роли других языков (французского, немецкого, финского и прочих, которые в контексте нашей выборки представляли собой единичные случаи) рассуждать тем более не имеет смысла.

Можно предположить, что, так как опрос проводился среди людей нефилологических специальностей (выпускники и студенты языковых вузов педагогических направлений нами также не опрашивались), уровень английского языка у большинства (вполне вероятно, не всех) респондентов в той или иной степени ограничивался знаниями и навыками, полученными в образовательном учреждении (школе / колледже / университете), т.е. в качестве общеобразовательного предмета. В таком случае (и это вывод, который был сделан уже во время обработки результатов) мы, к сожалению, не можем говорить о высоком или даже среднем уровне владения английским языком у респондентов и уж тем более о потенциальном влиянии языка на рецепцию респондентами греко-латинских лексем. О том, к каким выводам помогло прийти нивелирование (в контексте нашего исследования) значения владения английским языком респондентами, мы еще скажем ниже.

Мы пришли к выводу, что знание иностранного языка не гарантирует правильности сопоставления его лексем с лексемами из других языков. Все-таки (возьмем простой пример), для того, чтобы сопоставить лексему *water* с лексемой *aqua*, требуется привлечение не знания непосредственно английского языка, а более широкого языкового и внеязыкового кругозора (лексема *aqua* в современном английском сама по себе специфично не употребляется, только в словах вроде *aquamarine*, абсолютный эквивалент которого присутствует и в русском языке), а также, вероятно, определенных когнитивных навыков (которые, как и индивидуальные способности, могут различаться от человека к человеку) вкупе с непосредственными усилиями, направленными на сам процесс сопоставления, который индивид может не предпринять (здесь мы выходим на проблему осознанной и неосознанной рецепции лексических единиц). То есть, получается, исключительно **знанием** языка процесс рецепции не ограничивается.

Что касается роли полученной / получаемой специальности или профиля подготовки в процессе рецепции греко-латинских лексем, в ряде

случаев больше всего ошибок было сделано респондентами технических (прикладных) направлений (*super* – 17, *locus* – 17, *audio* – 14, *alter* – 14).

Такой результат нас несколько удивил: ожидалось, что техническое образование предоставит респонденту обширный терминологический аппарат, лексемы из которого восходят к греко-латинским словообразовательным элементам, что, в свою очередь, облегчит восприятие респондентом лексем из нашей выборки. Ожидания, однако, не оправдались. Предположить можно несколько причин этого: 1) «условность» полученного респондентом образования (респондент не работает по специальности, не актуализирует знания); 2) мы не имеем полного представления о терминологическом аппарате конкретных технических дисциплин (выбранные нами лексемы не попадают в перечень часто используемых словообразовательных элементов в терминологии той или иной технической дисциплины; в терминологии той или иной технической дисциплины греко-латинские основы встречаются либо редко, либо они немногочисленны и специфичны; 3) знание технической терминологии не помогает респонденту «распознать» лексему вне привычного для него, респондента, контекста (и здесь мы опять возвращаемся к вопросу сущности рецепции и недостаточности «знания» – в данном случае в смысле «заученности» лексемы). Каждая из этих гипотез требует дальнейшего исследования.

Можно выделить ряд лексем, при сопоставлении которых респонденты-представители общественных и гуманитарных наук сделали практически одинаковое количество ошибок с представителями наук технических (*hear* – 8 и 8, *aqua* – 9 и 10, *centum* – 11 и 13, *audio* – 12 и 14, *alter* – 14 и 14 и т.д.).

Стоит отметить, что вторая часть опроса (сопоставление латинских и древнегреческих лексем с использованием английских лексем в качестве подсказки) оказалась более сложной, чем первая (сопоставление английских и латинских лексем) для респондентов *всех* возрастных групп (в примерно одинаковом пропорциональном соотношении).

В общем и целом прослеживается тенденция большей степени точности восприятия греко-латинских лексем респондентами старших возрастных групп (25–30 лет, 30 лет и старше). Респондентами младших возрастных групп (вне зависимости от изучаемого языка и профиля образования, в обеих частях опроса) было сделано большее количество ошибок.

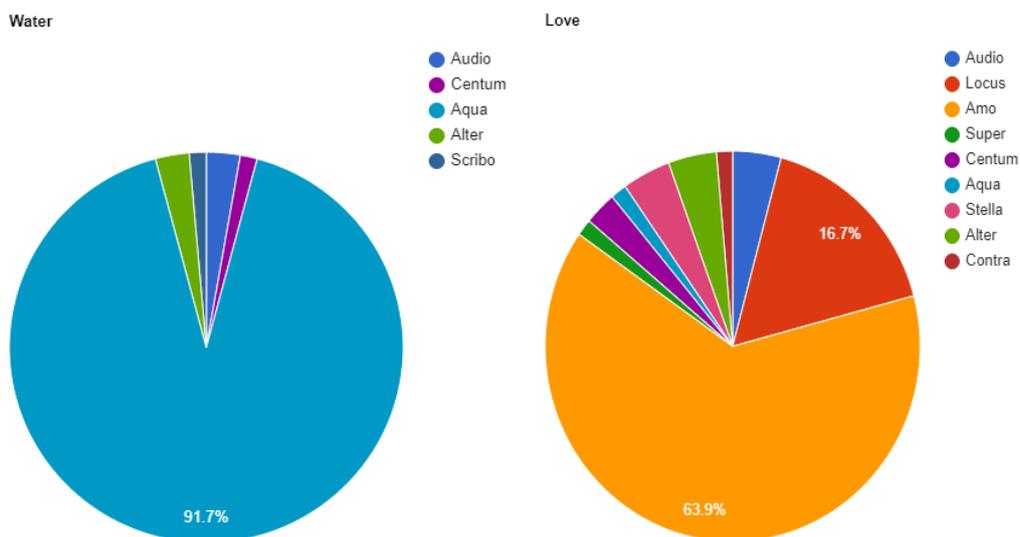
Данный факт, а также ряд фактов, приведенных выше, привел нас к следующему выводу: рецепция лексем греко-латинского происхождения сознанием современного человека зависит не столько от воспринятых им лексем изучаемого иностранного языка, сколько от владения современным русским языком, содержащим в себе греко-латинские основы. Помимо узких специальных терминов в такой тезаурус могут входить: 1) менее

специализированные лексемы, входящие в лексикон аудитории средней и старшей возрастных групп (и не входящие в лексикон аудитории младшей возрастной группы ввиду менее широкого кругозора); 2) несложные повседневные слова, распространенные в лексиконе в том числе аудитории младших возрастных групп (от 10-ти лет; например, слово «аквапарк»), требующие, однако, определённой осознанности употребления в случае необходимости сопоставления с греко-латинскими лексемами. Неудивительно, в таком случае, что респонденты средних и старших возрастных групп, обладающие более широким лексиконом и степенью осознанности употребления (в первую очередь в русском языке) набрали большее количество правильных ответов.

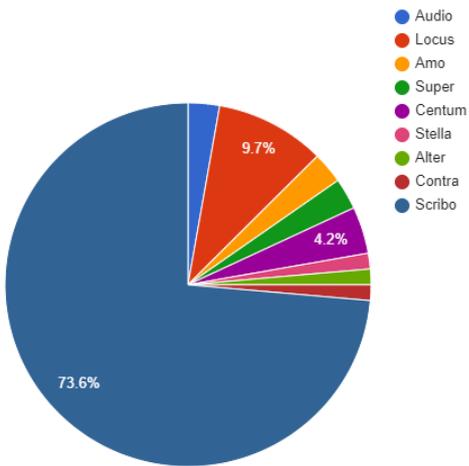
ЛИТЕРАТУРА

1. Данилина Н. И. Классические языки и теоретическая лингвистика // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4 (2). – С. 280-284.
2. Малинаускене Н. К. Классические языки в высшей школе. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 272 с.
3. Шаклеин В. М., Скомаровская А. А. Особенности перцепции слов греческого происхождения представителями современной русской лингвокультуры: ассоциативный эксперимент // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – №4. – С. 1036–1050.

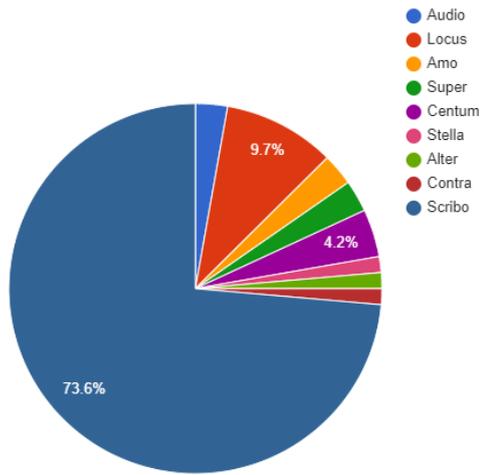
ПРИЛОЖЕНИЕ

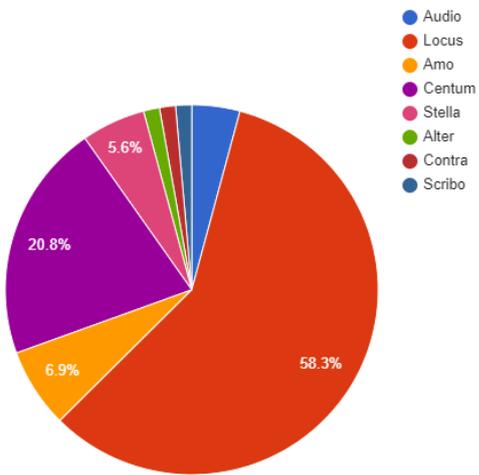
Write

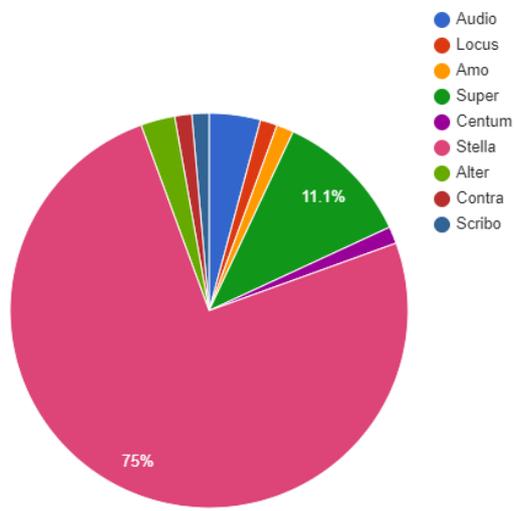
Hear

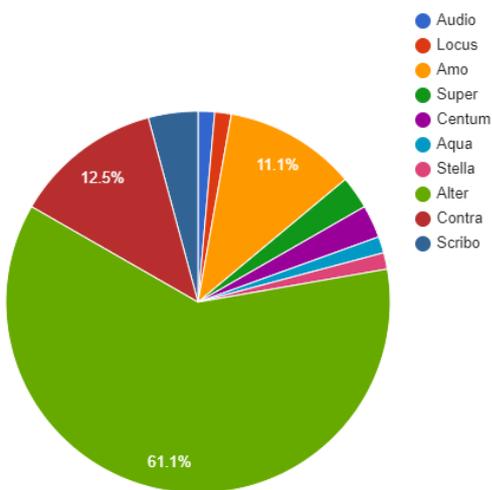
Place

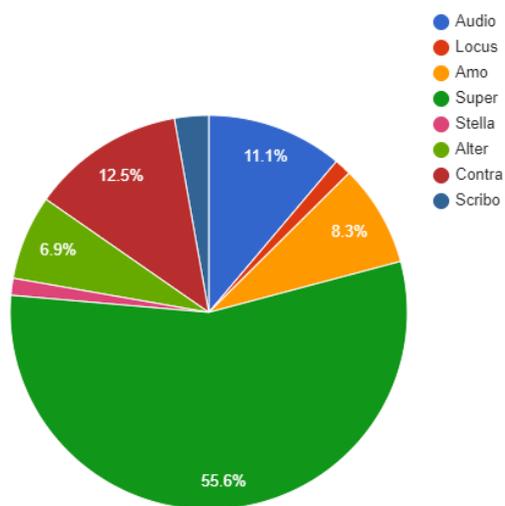
Star

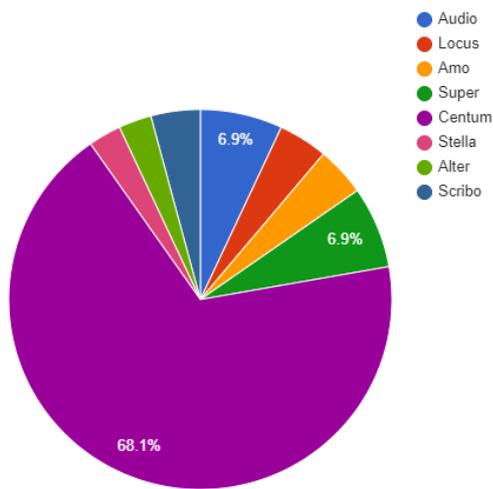
Other

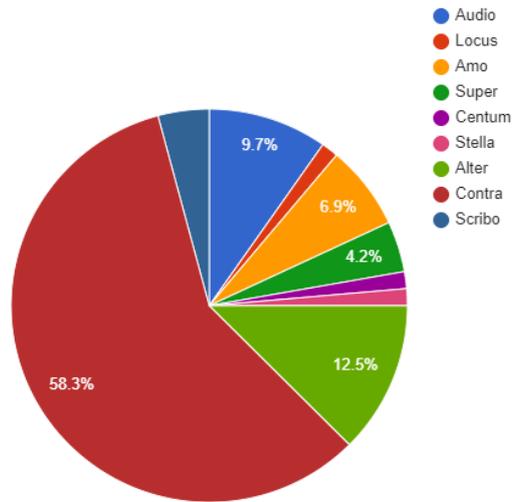
Over

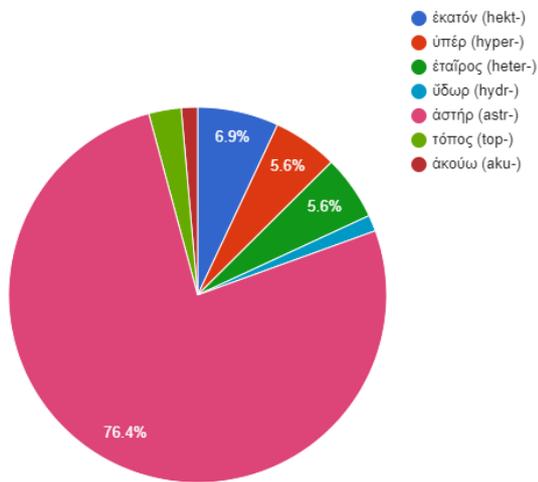
One hundred

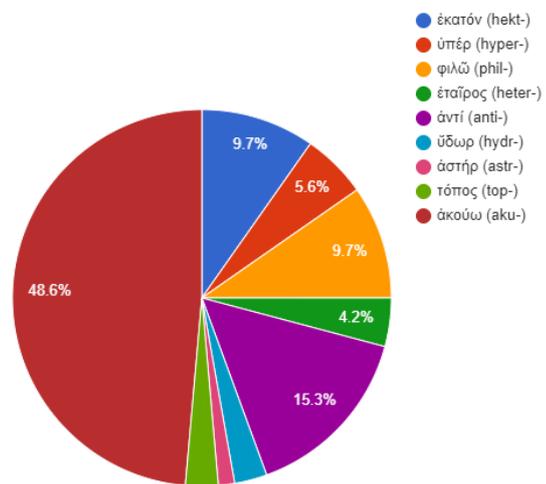
Against

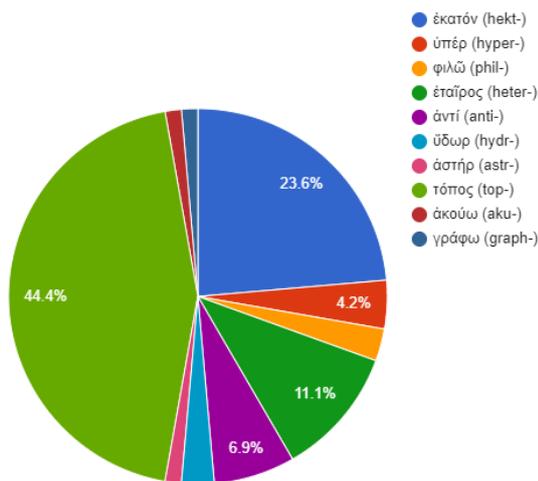
stella (αηη. star)

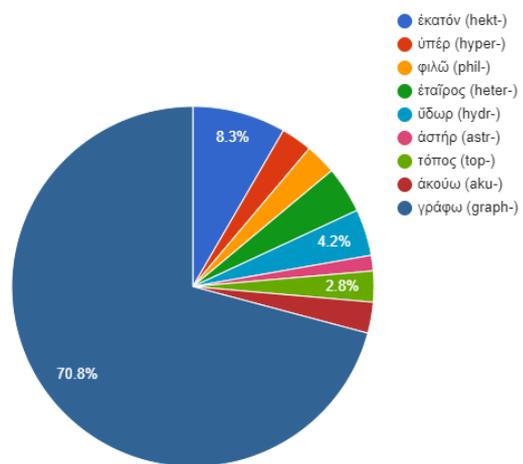
audio (αηη. hear)

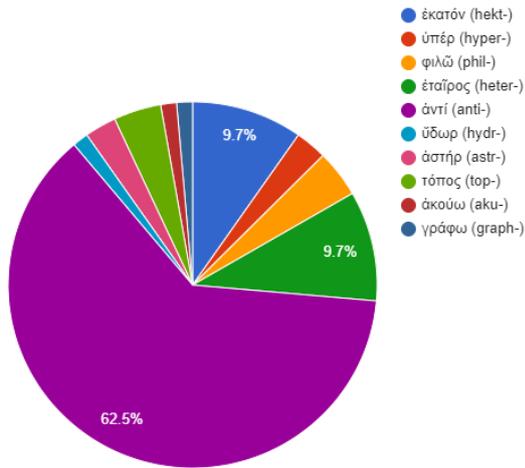
locus (αηη. place)

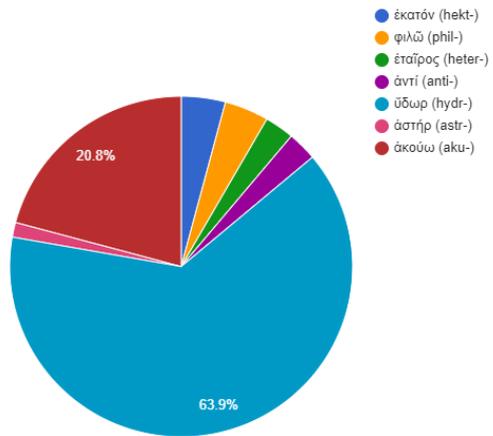
scribo (αηη. write)

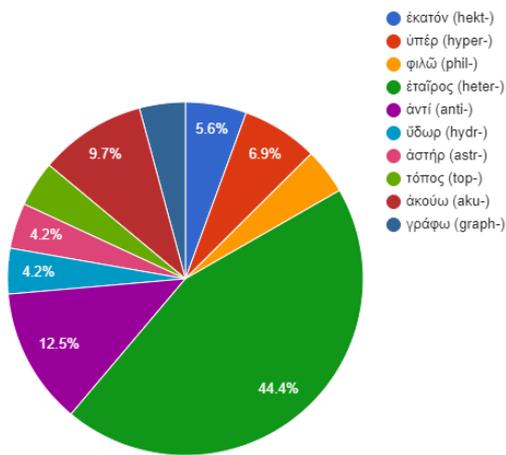
contra (αηγλ. against)

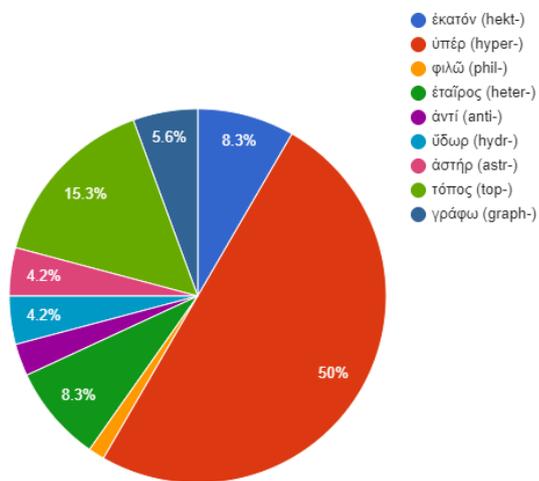
aqua (αηγλ. water)

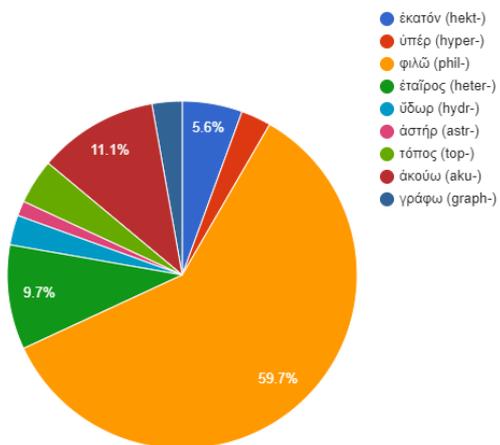
alter (αηγλ. other)

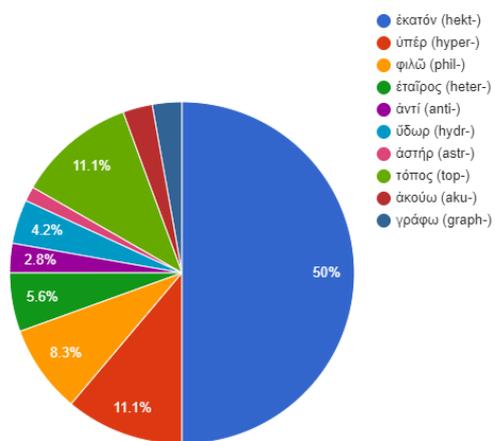
super (αηγλ. over)

amo (αηγλ. love)

centum (αηγλ. one hundred)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ СУПЕР- И СУПРА- НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Стриго Е.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В процессе анализа новых слов, зафиксированных в словарях XXI века и отсутствующих в словарях конца XX века, выявляются особенности реализации словообразовательной активности префиксальных элементов латинского происхождения *супер-* и *супра-* на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: префиксальные элементы латинского происхождения *супер-* и *супра-*, словообразовательная активность, продуктивность.

Латинский язык уже на протяжении многих веков был источником пополнения и обогащения словаря русского языка. Латинские лексические и словообразовательные элементы и в настоящее время принимают участие в развитии русского языка, в связи с чем рассмотрение вопросов, посвященных функционированию заимствованных единиц на русской почве, является актуальным.

В нашей работе в центре внимания – заимствованные из латинского языка префиксы *супер-* и *супра-*. В латинском языке приставки *super-* и *supra-* коррелировали с предлогами и наречиями с синонимичным значением (*super* adv. 1) наверху, вверху; 2) сверху; 3) наверх, поверх; 4) сверх того [1, с. 746–747]; *supra* adv. 1) сверху, вверху; 2) наверху (относительно подземного мира), на земле; 3) выше; 4) сверх, больше [1, с. 752]). В качестве префиксов *super-* и *supra-* активно участвовали в образовании глаголов, реже с их помощью образовывались имена существительные и прилагательные. Приставка *super-* в латыни имела следующие значения: ‘превышение’, ‘чрезмерность’, при этом соответствуя русским приставкам «через», «пере-», «пре-», «на-», «над-» (*super-fundo* ‘лить сверху, наливать’, *super-cēdo* ‘переступить, перешагнуть’, *super-elēvo* ‘превозносить’, *super-do* ‘класть сверху, прикладывать’, *super-struo* ‘строить сверху, надстраивать’), ‘старший’ (*super-jumentarius* ‘надсмотрщик над погонщиками выючного скота, старший погонщик’), ‘дополнительность’ (*super-ordinatio* ‘дополнительное избрание’, *super-lucror* ‘дополнительно заработать’); ‘остаток, излишек’ (*super-sum* ‘быть в избытке, изобиловать; быть лишним’, *super-fīo* ‘оставаться, быть в остатке’) [1, с. 747–750]. *Supra-* значительно реже встречалась в латинских словах и в основном соответствовала по значению русской приставке «пере-» (*supra-grāvo* ‘перегружать’, *supra-vīvo* ‘пережить’) [1, с. 752].

В русском языке префиксы *супер-* и *супра-* имеют подобные значения, но сочетаются только с именными основами. В словаре Т. Ф. Ефремовой [2] *супер-* рассматривается как словообразовательная и формообразовательная единицы. Как словообразовательная – при мотивации имен существительных со значением проявления повышенного или высшего качества, а также усиленного действия (*суперавиация, суперартиллерия, суперкласс, суперлитература, суперцемент*) (регулярный и продуктивный тип, особенно в научно-технической терминологии); со значением старшинства в должности или звании (*суперарбитр, суперинтендант*) (встречается реже); со значением вторичности (*суперинфекция* ‘повторная инфекция’, *суперобложка* ‘дополнительная, вторичная обложка, расположенная поверх основной’) (непродуктивный тип) [2, с. 461]. Как формообразовательная единица *супер-* образует имена прилагательные со значением признака, который характеризуется высшей степенью проявления качества (*супермощный, суперновый, супертрадиционный, суперэластичный, суперэффектный*) (регулярный и продуктивный тип, особенно в научно-технической терминологии и в публицистической речи) [2, с. 462]. Элемент *супра-* в русском языке является малопродуктивным и встречается только в терминологии (*супраденальный, супралитораль, суправергенция, супраденция*), поэтому значение данной единицы обычно приводится в словарях и справочниках терминологической лексики, главным образом медицинской: *супра-* ‘приставка, обозначающая расположение выше чего-либо; над чем-либо’ [13, с. 1181].

Целью настоящей работы является определение словообразовательной активности префиксальных элементов латинского происхождения *супер-* и *супра-* в период конца XX – начала XXI вв.

Данные префиксы в рассматриваемый период времени продолжают участвовать в словообразовательных процессах русского языка в качестве непосредственного деривационного средства (*чистота* → *супер-чистота, бактерия* → *супер-бактерия*) и в качестве опосредованного деривационного средства (*супермарафон* → *супермарафон-ск-ий*). Кроме того, приставки *супер-* и *супра-* проникают в русский язык в составе заимствованных слов, преимущественно англицизмов: *суперстар* (англ. *superstar* < лат. *super* ‘сверх, над’ + англ. *star* ‘звезда’) о прославившемся, особо популярном, широко известном актере, музыканте, о выдающемся спортсмене и т. п.; суперзвезда [11, с. 702].

Материалом для данного исследования послужили слова с элементами *супер-* (207) и *супра-* (9), обнаруженные нами в лексикографических источниках начала XXI века [3; 4; 7; 8; 10; 11; 12; 14; 15; 16], но отсутствующие в источниках конца XX века [6; 9; 13]. Изученные словари содержат актуальную терминологическую и обиходную лексику: новые слова, появившиеся в последние десятилетия и впервые фиксируемые

словарями, и более ранние заимствования, у которых развиваются новые значения.

Анализ новых слов с элементом *супер-* (155 имен существительных и 52 имен прилагательных) показал следующее:

1. Преобладают префиксальные имена существительные, реализующие значение ‘высшее качество’ (*супербестселлер, суперкомплекс, суперкорпорация, суперприёмник, супермультивитамины*) и ‘усиленное действие’ (*суперпродвижение, суперпохудение, суперпроцесс, суперход*), в единичных случаях отмечены имена существительные со значением ‘главный’ (*супервизор* (одуш.)). Префиксальные имена прилагательные встречаются реже и реализуют значение высокой степени признака (*суперъяркий, суперуспешный, суперэкономичный, супертяжелый*).

2. Префикс *супер-* чаще всего присоединяется к заимствованным основам (около 75 % всех примеров) (*суперблицтурнир* < лат. *super* ‘сверх, над’ + нем. *Blitzturnier* букв. ‘молниеносный турнир’, *суперяхта* < лат. *super* ‘сверх, над’ + англ. *yacht* < нидерл. *Jacht* < *jagen* ‘гнать’, *суперлюкс* < лат. *super* ‘сверх, над’ + фр. *luxe* < лат. *luxus* ‘роскошь, пышность’), в то же время растёт и количество новообразований с русскими основами (около 25 % всех примеров) (*супернасыщенность, суперскидки, суперёмкость, суперприбыль*).

3. По нашим наблюдениям, особенно активно новыми словами с элементом *супер-* пополняются следующие тематические группы:

– спорт, разного рода соревнования и игры (*суперкросс, суперматч, супертурнир, супертяжёлый (вес), суперполулёгкий (вес), супертриатлон, суперигра, супермотард*);

– информатика, компьютерная техника (*супердисплей, суперэвм, супервайзер, супермодем, суперкомпьютер, суперсервер*);

– финансы, торговля (*суперинфляция, суперскидки, супердивиденды, суперцена, супердоходы, суперакция*);

– научно-технические термины, вещества (*суперабразивы, суперколлайдер, супероксид, супернапалм, супербактерия, суперконденсатор, суперлинза*);

– развлечения, мода, кино, музыка (*супермодель, супердиск, суперхит, супершоу, суперконцерт, суперзнаменитость, суперкиноэкран*);

– средства передвижения (*супермото, супербаржа, суперлимузин*) и все, что с ними связано (*суперавтосигнализация, суперавтострада, суперхайвей, супертрасса*).

Продуктивной приставка *супер-* является и при образовании общественно-бытовой лексики, актуальной в повседневной жизни людей (*суперпричёска, супервыгодный, суперсериал, суперпоезд, суперотбеливатель, суперокна*). Фиксируются в словарных источниках и

разговорные лексемы (*суперстильный* (разг.), *суперделегат* (жарг.), *супертяж* (жарг.)).

4. Растет количество агентивных имен (около 9 % всех субстантивов) (*супервайзер, супертяж, суперьюрист, суперпользователь*), причем некоторые из них характеризуются многозначностью и могут выступать в значении как одушевленного, так и неодушевленного предмета (*суперрадикал, супермодель, супервизор*). Отдельные лексемы развивают переносные значения: *супертяж* 1) спорт., жарг. сокр. от супертяжеловес; спортсмен; 2) перен., полит., публици., жарг. чиновник высокого ранга, популярный политик, писатель, артист) [12].

5. Наблюдается параллельное появление нескольких синонимичных наименований: *суперавтомобиль, суперавто* и *суперкар*; *суперавтострада* и *суперхайвей*; *суперэвм* и *суперкомпьютер*; *супермикроэвм, супер-мини-компьютер, супер-мини-ЭВМ* и *супермини*. Иногда заимствованная лексема входит как синоним к уже существующим единицам в русском языке с элементом *супер-* (*суперстар* (= суперзвезда)). При этом, как правило, русские корни заменяются на корни английского происхождения, что может быть связано с представлением носителей языка об иноязычном слове как о более престижном [5, с. 167].

6. Наряду с увеличением числа усеченных наименований (стремление к экономии языковых средств): *суперсекси, супермини, суперавто, супермото*, встречаются и примеры длинных и громоздких образований, появившихся в результате присоединения приставки к сложным словам (*суперполулёгкий, супермногодневка, супервеломногодневка, супермультивитамины, супермикроэвм*).

7. Прослеживается тенденция к экспрессивизации словаря: при добавлении префикса *супер-* к основам, уже выражающим высокую степень проявления признака или качества (*суперлюкс, суперсенсация, суперрейтинговый, суперминикомпьютер*).

8. Отмечается вариативное графическое оформление отдельных лексем (*супермикроэвм* и *супермикроЭВМ*).

Префиксальный элемент *супра-* (лат. *supra-* ‘сверху, над’) мы обнаружили всего в 9 словах, в которых *супра-* присоединяется только к иноязычным основам. Префиксальные имена существительные (5) и имена прилагательные (4) в большинстве случаев представляют собой медицинские термины, чаще всего наименования лекарственных препаратов, в которых *супра-* указывает на их высокое качество (*супрадин, суправирин, супракапсулин, супрастин*). В единичных случаях встречаются лингвистические термины (*супрасегментный* (лат. *supra-* ‘сверху, над’ + лат. *segmentum* ‘отрезок’) сверхсегментный, относящийся к тем средствам языка, которые характеризуют не отдельную фонему (как ударение), а целый слог

или целый синтаксический отрезок текста (как ритм или интонация [4, с. 931]).

Таким образом, слова с префиксальными элементами латинского происхождения *супер-* и *супра-* в период конца XX – начала XXI вв. продолжают пополнять словарный состав русского языка. Особенно активно проявляет себя префикс *супер-* в качестве деривационного средства при мотивации имен существительных со значением повышенного качества и усиленного действия. Данный элемент характеризуется высокой продуктивностью и свободно сочетается как с заимствованными, так и русскими основами, образуя лексические единицы, относящиеся к терминологической, нейтральной и разговорной лексике. Новообразования с префиксом *супра-* единичны, встречаются только в сочетании с иноязычными основами и ограничиваются только сферой терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 6-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 846 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1 900 словообразоват. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М. : Астрель ; Кзыл : АСТ, 2005. – 636 с.
3. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : ООО Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1040 с.
4. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – Москва : Эксмо, 2006. – 669 с.
5. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование / Л. П. Крысин // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / М. Я. Гловинская [и др.] ; отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2008. – С. 167–184.
6. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов : около 25 000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – М. : Рус. яз., 1998. – 847 с.
7. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск : Современный литератор, 2007. – 976 с.
8. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – М., 2005. – 960 с.
9. Современный словарь иностранных слов : ок. 20 000 слов / принимали участие: Н. М. Ланда [и др.]. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – 742 с.
10. Современный толковый словарь русского языка / Авт.-сост. А. Н. Чехомоненко. – Минск : Харвест, 2007. – 784 с.
11. Словарь новейших иностранных слов (конец XX - начало XXI вв.) : более 3000 слов и словосочетаний / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 943 с.
12. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinonim.org/>. – Дата доступа: 30.01.2024.
13. Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Р. П. Рогожниковой. – М. : Рус. яз., 1991. – 2 т.

14. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика : ок. 8 500 слов и устойчивых словосочетаний / С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т филол. исслед. ; под ред. Г. Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2007. – 1131 с.

15. Шагалова, Е.Н. Словарь новейших иностранных слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. – 576 с.

16. Энциклопедический словарь медицинских терминов / Гл. ред. В.И. Покровский. – 2-е изд. – М. : Медицина, 2001. – 960 с.

АНТИЧНАЯ И РЕНЕССАНСНАЯ СЕМАНТИКА СМЕХА И ВИНА В РОМАНЕ ФРАНСУА РАБЛЕ «ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ»

Цисык А.З.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. Работа посвящена анализу семантики смеха и вина в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Анализ проведен с учетом рецепции автором романа аналогичных мотивов в античной культуре.

Ключевые слова: ведущие мотивы романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», античное наследие в романе Рабле, семантика раблезианского смеха, ренессансная семантика вина у Рабле.

Настоящая работа посвящена исследованию античных мотивов вина и смеха в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Прежде всего, скажем несколько слов о жизни Франсуа Рабле. Он родился в 1494 году в северо-западной части Франции в окрестностях города Шинон у реки Вьенны – одного из крупнейших центров виноделия страны. В детском возрасте Франсуа был отдан в послушники в один из монастырей ордена францисканцев и в двадцатипятилетнем возрасте стал монахом. Здесь он изучал древнегреческий и латинский языки, естественные науки, филологию и право, и вскоре заслужил своими учеными изысканиями известность и уважение среди своих современников. Около 1527 года Рабле покинул монастырь для обучения медицине в университетах Пуатье и Монпелье, в 1534 – 1539 годах преподавал медицину в Монпелье и 22 мая 1537 года получил там звание доктора медицины. Свои последние дни он провел в Париже, умер 9 апреля 1553 года в возрасте семидесяти лет.

Роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» – это подлинная художественная энциклопедия народной французской культуры эпохи раннего Возрождения. Более подробно об этом можно прочитать в монографии известного филолога Михаила Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [1]. Нас же больше интересует рецепция античной культуры в романе Рабле и творческая интерпретация античных мотивов смеха и вина.

Читая роман Рабле, мы видим, что это книга, полная постоянных ссылок на античных писателей и античных исторических деятелей. Только в сносках к тексту романа мы находим имена тридцати пяти греческих и двадцати двух латинских как самых известных, так и менее известных античных авторов. Но не меньше таких названий и в тексте романа, когда автор и его персонажи, развивая ту или иную тему или участвуя в различных по тематике дискуссиях, ссылаются на авторитет античных историков, поэтов или мыслителей или иллюстрируют свои слова примерами из

мифологии или античной истории. Так, в десятой главе первой книги, посвященной толкованию белого и голубого цвета, автор приводит высказывания Аристотеля, Прокла, Ксенофонта, Галена, Цицерона, Тита Ливия, Плиния, Авла Геллия, сведения из истории Греции и Рима, ссылается на Диагора Родосского, Хилона, Софокла, Дионисия, Филиппида, Филемона, Поликрапта, Ювенция и других. В главе десятой третьей книги «О деяниях Пантагрюэля», в которой Пантагрюэль доказывает Панургу, что советовать в вопросах брака – дело трудное, в словах дискутирующих персонажей встречаются ссылки на слова Гомера, Сократа, Вергилия, Платона, Цицерона. И если попытаться выделить ведущие мотивы романа Рабле, которые красной нитью пронизывают все его содержание, то среди них, на наш взгляд, таковых три: античность, смех и вино. К лингвистическим и культурологическим аспектам содержания романа, связанным с греко-римской античностью, мы будем обращаться постоянно на протяжении всего нашей статьи. А сейчас более подробно рассмотрим семантику смеха и вина в содержании романа.

Итак, события в романе Рабле постоянно сопровождаются смехом его героев или вызывают смех у читателя. Сам Рабле в предисловии к четвертой книге определяет такое смеховое мировоззрение как «пантагрюэлизм» т. е., по его словам, как «...глубокую и несокрушимую жизнерадостность, перед которой все преходящее бессильно...». А своеобразной визитной карточкой этого пантагрюэлизма являются, согласно Рабле, следующее утверждение: «Я свободен, здоров, весел и не прочь выпить!». Художественно этот «пантагрюэлизм» раскрывается в образах трех главных персонажей романа, которых можно назвать главными пантагрюэлистами романа Рабле. Первый и главный – это образ фантастического великана Пантагрюэля, который всегда невозмутим перед любыми превратностями фортуны и перед «всем преходящим». Значение имени своего героя толкует сам автор: «Имя дал ему отец, ибо **панта** по-гречески означает «все», а **грюэль** на языке агарян (т. е. потомков Агари, матери ветхозаветного Измаила, родоначальника арабов), означает «жаждущий», поскольку в день его рождения весь мир испытывал жажду из-за страшной засухи, мучающей Африку и Европу больше тридцати шести месяцев. Таким образом, имя это значит «Всежаждущий». Кроме того, добавляет автор книги, отец Пантагрюэля Гаргантюа предвидел, что его сын станет владыкой всех жаждущих не только обычной влаги-воды, но и влаги-вина. И есть и третий подтекст у данного имени, который обнаруживается при знакомстве с жизнью и деятельностью Пантагрюэля – это «жаждущий всех знаний и всего, чему можно научиться». Этот смысл начинает раскрываться в 5-й книге, когда герой посещает различные города и университеты и приобретает в них самые различные знания и умения.

Второй образ – это друг и спутник Пантагрюэля – вечно сомневающийся и неутомимый студент-бродяга Панург, от греч. *panúrgos*

букв. «все делающий, за все берущийся», а также «неразборчивый в действиях или средствах». В этом образе автор олицетворяет народ Франции этой эпохи со всеми его достоинствами и недостатками. И третий образ – монах брат Жан, который выступает как прообраз народа Франции, освобождающегося от своих недостатков. Ведь именно у этого крестьянского сына, инстинктивно чувствующего и приемлющего высокие идеалы гуманизма, зарождается идея Телемского аббатства как одной из возможных моделей справедливого и гуманного сосуществования людей. И вот на этом символическом союзе ищущей передовой мысли гуманизма с народом, тоже ищущим на свой лад новый и более прогрессивный *modus vivendi*, и основан сюжет книг романа. В нем после описания воспитания и молодости отца Пантагрюэля, великана Гаргантюа в первой книге, следуют книги, которые посвящены детству, образованию, деяниям и подвигам самого Пантагрюэля и его друзей. Завершает произведение аллегорическое по своему смыслу путешествие пантагрюэлистов к Оракулу Божественной Бутылки за ответом на комически тревожащий Панурга вопрос – «жениться или не жениться». В богатом приключениями морском путешествии они терпят всякого рода невзгоды, посещают разные «острова» со смехотворными обитателями – олицетворениями косности, фанатизма, неразумия, и эти пережитки старого мира служат для «жаждущих» и «ищущих» пантагрюэльцев доказательствами от противного на их пути к истине.

Итак, читателя романа Рабле впечатляет, прежде всего, комизм речи его персонажей и ситуаций, сопровождающийся смехом во всех его проявлениях. Главный же источник этого смеха – игра на двузначном характере «жажды» у его героев – жажды вина и жажды знаний и истины, и это проявляется через отрицание средневекового идеала, через прославление всестороннего, как телесного, так и духовного удовлетворения потребностей и развития личности. В целом же смех Рабле, хотя и многозначный по оттенкам, но всегда бодрый, радостный, и в его основе извечное народное чувство смеха как признака счастья, довольства, беспечности и здоровья. Ведь смех, согласно доктору медицины Рабле, обладает исцеляющей и возрождающей силой [3, с. 436]. Однако сам Рабле в своем вступительном «Слове от автора» [3, с. 21–22] предостерегает читателя, чтобы тот не воспринимал только наружную и смешную форму написанного, а старался вникнуть в его суть: «читая потешные заглавия некоторых книг моего сочинения, вы можете сделать слишком скороспелый вывод, будто в этих книгах речь идет только о нелепостях, дурачествах и разных уморительных небывальщинах, иными словами вы, обратив внимание только на внешний признак, и не вникнув в суть дела, обыкновенно уже начинаете смеяться и веселиться. Но к творениям рук человеческих так легкомысленно относиться нельзя. А посему раскройте мою книгу и вдумайтесь хорошенько». И здесь Рабле приводит читателям пример, как нельзя сравнивать внешний вид

афинского философа Сократа с его внутренним миром и его настоящей сущностью: «Если бы вы обратили внимание только на его наружность, и стали судить о нем по внешнему виду, то вы не дали бы за него и ломаного гроша: до того он был некрасив и до того у него была смешная повадка: нос у него был курносый, глядел он исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунивать, скрывая за этим божественную свою мудрость. Но откройте этот ларец – и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайное ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суетятся, трудятся, путешествуют и воюют». Поэтому, считает автор, и читатели его книги после прилежного чтения и долгих размышлений станут от этого и отважнее и умнее.

И, тем не менее, чтение для читателя, считает Рабле, должно быть, прежде всего, веселым, а для этого писателю, по словам автора, «милей писать не с плачем, а со смехом, – ведь человеку свойственно смеяться». Здесь Рабле использует слова Аристотеля в трактате «О частях животных», (фр. 673 а 8), согласно которому из всех живых существ только человеку свойственно смеяться. А самым испытанным, доступным и приятным катализатором смеха и радостного настроения Рабле считает вино, – ту материальную субстанцию, которая и раскрепощает человека, и создает, пусть и кратковременную, иллюзию счастья, довольства, беспечности и здоровья, о чем многократно писали античные поэты. Вот почему вино, как и смех, сопровождает персонажей Рабле на протяжении всего содержания произведения. И в этом отношении все персонажи Рабле, несмотря на их формальную принадлежность к конкретно-историческому позднему средневековью, очень близки людям античного мира с их культом Диониса-Вакха и ежедневным будничным и праздничным присутствием вина во всех сферах жизни. Вот как вкратце характеризует античное понимание вина римский энциклопедист 1 в. до н.э. Марк Теренций Варрон в своих «Менипповых сатирах» [4, с. 412]:

Вино – из всех для всех питье сладчайшее:
Его открыли для целенья хворостей,
Оно – рассадник милого веселия,
Оно – скрепленье дружества пирующих.

В контексте темы нашей статьи важно сказать о том, что именно античные греки и римляне заложили основы виноделия во Франции [5]. Ведь первые виноградные лозы были посажены в окрестностях основанной

греками-фокейцами Массалии (современный Марсель) в VI в. до н.э. Дальнейшее развитие виноградарство в Галлии получило, начиная с I в. до н. э., в эпоху владычества Римской империи, когда аллоброги – кельтский народ на юге Галлии – были наделены правом на производство вина. Особое развитие виноделие получило в связи с распространением христианства на территории современной Франции. Следует отметить личность святителя Мартина Турского (316–397), который внёс немалый вклад в популяризацию виноделия и почитается как покровитель французских виноградарей и виноделов. Важно также отметить, что предки современных французов впервые для транспортировки вина стали использовать новую для античности тару – деревянные бочки вместо привычных глиняных амфор. Это было очень важное изобретение, поскольку выдержка в бочках улучшала качество многих вин. Именно деревянная бочка становится единицей измерения вместимости судов, и французское слово *tonneau* (бочка вина), восходящее к галльскому слову *tunná* – кожаный бурдюк с вином, дало начало современному интернациональному слову «тонна» [6].

После падения Римской империи в V веке н. э. и исламизации многих её остатков виноделие приходит в упадок почти везде в Средиземноморье, за исключением Галлии. В период с XII по XV вв. монашество на виноградниках Бургундии и других регионов Франции создало производство лучших вин, и не зря в поэме XIII в. «Битва вин» перечислено около семидесяти сортов французского вина. В XV в. культивирование виноградников стало повсеместным во Франции на землях крестьянства, церкви, аристократов, городской знати и вино стало любимым и единственным общеупотребительным веселящим напитком всех слоев французского общества [5].

Вот такова краткая предыстория того винного изобилия и обильного винопития, которое царит в художественном мире романа Франсуа Рабле.

Наиболее ярко вечная и неистощимая потребность персонажей Рабле «выпить вина» выражена в первой книге романа, посвященной истории рождения великана Гаргантюа, отца Пантагрюэля. Уже во введении к этой книге автор говорит, что на ее сочинение он потратил как раз то время, которое отводил себе для поддержания телесных сил, а именно для еды и питья. Понятно, что под питьем Рабле понимает здесь не столько воду, сколько вино. Он вспоминает знаменитых античных писателей Гомера, Плутарха, Энния, Горация, Овидия и говорит, что они, как и он, наверняка стимулировали свое творчество хорошим вином. Поэтому он считает, что не следует обращать внимания на слова некоего недоумка, написавшего, что от стихов Горация пахнет не столько елеем, сколько вином. «То же самое, – замечает Рабле, – сказал один паршивец и о моих книгах, да ну его! Ибо насколько же запах вина соблазнительнее, пленительнее, восхитительнее и животворнее и тоньше, чем запах еля! И если про меня будут говорить, что

на вино я трачу больше, чем на масло, я возгоржусь так же, как Демосфен, когда про него говорили, что на масло он тратит больше, чем на вино» [3, с. 23]. И закономерно, что именно под знаком грандиозного и всеобщего питья гостей Грангузье, отца Гаргантюа, и рождается первый сказочный персонаж романа Рабле – великан Гаргантюа. Грангузье, ожидая скорого появления своего ребенка, устроил грандиозный пир. Участники пира сначала перекусили, а затем пошли в сад и там, на густой траве, такое пошло у них веселье, что любо-дорого было смотреть. Как говорит автор, «тут бутылочки взад-вперед заходили, окорока заплясали, стаканчики запорхали, кувшинчики зазвенели». Этому веселью, сопровождавшемуся радостными замечаниями и возгласами гостей, автор посвятил целую пятую главу своей первой книги. Приведем некоторые из веселых возгласов пирующих: «наливай!», «не зевай!», «подавай!», «ану-ка, единым духом!», «зальем жажду!», «вечная жизнь для меня в вине, вино – вот моя вечная жизнь».

И, естественно, поскольку большинство участников пира знакомо с университетской и богословской латынью, то на этом вакхическом пиру то и дело звучат и латинские изречения:

Faecundi calices quem non facere dissertum? – Обильные кубки кого не сделали красноречивым? Это фрагмент пятого стихотворения первой книги посланий Горация, который наверняка был знаком многим пирующим, и который мы приведем полностью в переводе на русский язык Н.С. Гинцбурга [2, с. 297]:

Выход чему не дает опьяненье? Тайны раскроет,
Сбыться надеждам велит, даже труса толкает в сраженье,
Душу от гнета тревог избавляет и учит искусствам.
Полные кубки кого не делали красноречивым,
В бедности тесной кому от забот не давали свободу?

Но рты пирующих чаще всего заняты поглощением вина и пищи, и поэтому их слова, как правило, афористически кратки:

Я пью, как губка. А я – *tamquam sponsus* (как жених).
А я – *sicut terra sine aqua* (подобно земле безводной).
Natura abhorret vacuum! (природа не терпит пустоты!).

Немало латинских выражений, связанных потреблением вина, разбросаны по всему содержанию романа. Так, в якобы обнаруженном склепе с родословной Гаргантюа над изображением кубка красовалась надпись «*Hic bibitur*», т.е. «здесь пьют». На пиру перед рождением Гаргантюа звучит призыв «*Respice personam, pone pro duos*» – «Не забывай, с кем имеешь дело, лей на двоих». Упомянутый выше брат Жан, бросаясь на защиту монастырского виноградника и заботясь о будущем вина, обращается к Господу с просьбой: «*Da mihi, Domine, potum!*» – «Даруй мне, Господи,

питье». Обильным возлиянием заканчивается и удивительная дискуссия Панурга, представлявшим Пантагрюэля, с весьма ученым англичанином Тавмастом (греч. *thaumastós* – достойный удивления). Как пишет Рабле, «Пантагрюэль увел Тавмаста обедать, и пили они, как пьют все добрые люди, и до того, что друг друга узнать не могли. На долю каждого пришлось не менее двадцати пяти – тридцати бочек, и пили они, *sicut terra sine aqua* (как безводная земля). Автор романа изображает огромное количество всевозможных ситуаций, в которых его герои имеют дело с вином и на родине, и в чужих краях, куда добирается Пантагрюэль и его команда на протяжении своих удивительных путешествий и где самые причудливые жители тоже пьют вино. И даже в аду, где, согласно тексту романа, побывал один из его героев после своей кратковременной смерти, самые строгие античные моралисты не расстаются с вином. Например, известный римский философ-стоик Эпиктет, девизом которого при жизни были слова *sustine et abstine* (терпи и воздерживайся), на том свете с компанией девиц пьет, танцует, закатывает пиры по всякому поводу и любит сидеть в виноградной беседке, над которой написаны в качестве его нового девиза следующие слова: «Плясать, смеяться и шутить, винцо блаженно попивая».

Но вино для Рабле – не просто источник веселья и наслаждения, как для обычного человека, – он называет его единственным источником своего творческого вдохновения. Так, в предисловии к своей третьей книге он говорит следующее: «Погодите, дайте мне хлебнуть из бутылочки, – это мой подлинный и единственный Геликон, моя Гиппокрена, незаменимый источник вдохновения. Только испив из него, я могу размышлять, рассуждать, решать и заключать. Затем я хохочу, пишу и сочиняю. Поэт Энний, выпивая, творил, творя, выпивал. Гомер никогда не писал натошак. Катон писал только после возлияния. Попробуйте теперь мне сказать, что я не руководствуюсь примером людей высокочтимых и уважаемых» [3, с. 277–279]. И не удивительно, что Рабле сравнивает свой творческий потенциал с винной бочкой, из отверстия которой он отцеживает, как драгоценное вино, слова своей изысканной книги. Я отцежу, говорит Рабле, возникшую из наших послеобеденных вольных забав изысканную третью книгу, а за третьей последует и развеселая четвертая книга пантагрюэлических сентенций, и я разрешаю вам называть их диогеническими. Здесь писатель сравнивает свое виртуальное вместилище творческой потенции с бочкой Диогена, служившей, как известно, не только вместилищем вина, но и обителью одного из самых светлых умов античности. И дальше автор, аллегорически сравнивая чтение своего романа с питьем вина, призывает своих читателей приобщиться к бочке его опьяняющих, веселых и свободных откровений: «А ну-ка, братцы, выпьем! Полней стаканы, друзья! Все жаждущие, если же хотят и если вино по вкусу их превосходительному превосходительству, то пусть пьют открыто, свободно, смело, пусть ничего

не платят и вина не жалеют. И не бойтесь, что вина не хватит: бочка моя пребудет неисчерпаемой. В ней бьет живой источник, вечный родник. Это подлинный рог изобилия, изобилия веселий и шалостей» [3, с. 277]. И не случайно автор своей книги включает аллегорическое и фантастическое путешествие своих героев-пантагрюэлистов к «оракулу Божественной Бутылки» где-то близ Китая в Верхней Индии, чтобы узнать, нужно ли жениться Панургу. Во время описания этого путешествия автор находит немало возможностей напомнить своим читателям об употреблении вина. В частности, в пятьдесят девятой главе четвертой книги изображаются события на острове правителя Гастера, т.е. «желудка», где царит культ еды и питья. На острове Гастера путешественники из Франции всласть поели и попили и даже поправили свое здоровье. Общее настроение высказал Панург: «Слава Богу, я уже ни на что больше не злюсь, – я веселюсь, я смеюсь, я резвлюсь». И, добавляет он, «хорошо говорит у Еврипида достопамятный пьянчуга Силен в драме «Киклоп»: «Не дали боги разума тому//, кто пьет вино, не радуясь ему».

Заканчивается повествование Рабле прибытием команды пантагрюэлистов к месту нахождения Оракула большой бутылки. Здесь, хотя это и некий край света на дальнем востоке, во всем ощущается царство Бахуса, который, оказывается, некогда уже побывал здесь и насадил обширный виноградник из множества пород виноградной лозы. И вот наши путешественники на пути к храму спускаются под землю по переходу, расписанному фресками, изображающими пляску женщин и сатиров, которые сопровождают старика Селена, сидящего на осле и заливающегося хохотом. При этом выяснилось, что в винном погребке известного пантагрюэлисту города Шинона, родины Рабле, живопись на стенах точно такая, как здесь.

Оказавшись в храме Божественной бутылки, построенном из драгоценных камней, путешественники увидели в стене две плиты. На одной из них был высечен латинскими буквами шестистопный ямб: *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt* – «Ведут покорных судьбы, не желающих – влекут». На другой – греческое изречение: *Πρὸς τέλος αὐτῶν πάντα κίβεται* – «Все движется к своей цели». Надписи эти, очевидно, отражали конечный путь путешественников. Вышедшая им навстречу жрица храма приказала принести всем кубки и чаши и предложила испить влаги, струившейся из фонтана. И тут оказалось, что каждый, пьющий эту влагу, в меру своего воображения ощутил вкус какого-то превосходного сорта вина. Наконец, жрица повела Панурга к кладезю знаний – божественной хрустальной бутылке, помещенной в фонтан. Исполнив ей гимн, жрица что-то бросила в фонтан, после чего священная бутылка издала слово «Тринк», а затем жрица отвела Панурга в главный храм, где вытащила толстую книгу в серебряном переплете, дала Панургу выпить бутылку фалернского вина и раскрыла суть

данного ему предсказания. Оказалось, что предсказание «Тринк» значит «пей!», и смысл его в том, что именно вину дарована власть наполнять душу истиной, знанием и любознательностью и что истина сокрыта в вине, как и провозглашали греческие поэты (ср.: οἶνος καὶ ἀλήθεια, «вино и (в нем) истина» у Алкея). Поэтому, сказала жрица, «божественная бутылка к нему вас и отсылает, а уж теперь вы сами удостоверьтесь, насколько она права». Преисполнившись этим пророчеством, Панург произносит длинный стих, в котором изъявляет готовность, возвратившись на родину, тут жениться и завести детей. После этого жрица храма Божественной бутылки раскрывает гостям некоторые тайны мироздания и позволяет им благополучно возвратиться к своим кораблям, на чем и заканчивается данная книга и все произведение Рабле.

Как видим, таковыми значительными оказались в романе Рабле сила и влияние вина на судьбу и поведение не только одного Панурга, но и всех остальных главных пантагрюэлистов. Эта тема в романе постоянно ассоциируется с античностью, и античный Вакх продолжает свое веселое и триумфальное шествие по страницам ренессансной реальной и вымышленной географии художественной действительности романа Рабле. Жажда знаний его реальных и фантастических героев реализуется в тесном союзе с вином, способствующим свободному, веселому и радостному познанию как простых, так и сложных житейских истин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., – 1990. – 543 с.
2. Гораций. Собрание починений. – Санкт-Петербург: Биографический институт. Студия биографика, 1993. – 447 с.
3. Рабле, Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. / Перевод с французского Н.М. Любимова. – М.: Правда, 1991. – 617 с.
4. Римская сатира: Пер. с латин./ Сост. и науч. подгот. текста М.Гаспарова; Предисл. В.Дурова; Коммент. А.Гаврилова, М.Гаспарова, И.Ковалевой и др.; Худож. Н.Егоров. – М.: Худож. лит., 1989. – 543 с.
5. Wikipedia. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_французского_вина. – Дата доступа: 10.01.2024.
6. Wiktionnaire. – Режим доступа: <https://fr.wiktionary.org/wiki/tonne#reference-2>. – Дата доступа: 10.01.2024.

ПОНЯТИЙНО-СЛОВЕСНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СМЕХОВЫХ ВИДОВ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И ЕГО ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

ЦИСЫК А.З.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье систематизированы смеховые виды литературного творчества Древней Греции и дан историко-культурный и лингвистический анализ названий этих видов творчества и терминов, связанных с ними.

Ключевые слова: древнегреческое литературное творчество, смеховые жанры и сопутствующие им понятия, этимология названий терминов смехового искусства.

Читатель, ознакомленный со словесным творчеством древних греков, наверняка обратит внимание на то, что это творчество несет в себе преимущественно жизнеутверждающий и радостный характер. И не зря в древнегреческом театре после постановки трех трагедий ставилась так называемая сатирическая драма, которая должна была развеселить зрителей, испытывавших значительное душевное напряжение во время просмотра трагедий. Известно, что у древних греков почитался бог смеха Гелос (*Gélōs* – персонификация самого понятия «смех»), а у римлян был бог смеха Ризус (лат. *Risus* – смех) [8, с. 145]. По свидетельству римского писателя II в. н.э. Апулея, в честь Гелоса и Ризуса в городе Гипата греческой Фессалии проводилось ежегодное празднество с различными экзотическими маскарадами и розыгрышами. Так, во второй книге романа Апулея «Золотой осёл» его главный персонаж – юноша Луций – ночью у двери своего дома убил, как ему показалось, трех неких громил, ломившихся в его дом. Но на следующий день на заседании суда по обвинению его в убийстве он был оправдан, так как оказалось, что Луций стал частью трагикомического розыгрыша. Это выяснилось из речи судьи, обращенной к нему: «Итак, выбрось из головы это огорчение и гони печаль от своей души. Ведь игры эти, которые мы торжественно и публично справляем ежегодно в честь всемилостивейшего бога Смеха, всегда украшаются какой-нибудь новой выдумкой» [1, с. 134 – 141]. По мнению историка культуры М. И. Шахновича, именно к культу древнеримского бога смеха Ризуса, соединившегося с культом Гелоса, восходит День смеха первого апреля. Устраиваемый в честь Ризуса апрельский праздник после падения Римской империи получил распространение во всей Европе [11, с. 110].

Учитывая мировоззренческие особенности древних греков, неудивительно то, что именно в их словесном творчестве мы находим многие термины, отражающие понятия и виды смешного в искусстве, которые вошли в общеевропейский лексикон искусства и культуры и употребляются

и в наше время. И поэтому в настоящей работе мы поставили задачу систематизировать все такие термины и дать им историко-культурный и лингвистический комментарий.

Начнем с того, что смех – это часто весьма серьезное дело. Уже в таком утверждении, которое в наши дни стало афоризмом, кроется смеховая риторико-стилистическая фигура, которую древние греки называли *oxúmoron*, букв. «остроумно-глупое», т. е. намеренно заостренная нелепость – образное сочетание противоречащих друг другу понятий [6, т. 2, с. 1180], например: *glýkpikros* – сладкий, но смешанный с горечью, т.е. полуприятный-полутягостный, или название жанра *spoudogéloios* – серьезно-смеховой, бытовое выражение «печальный смех», названия произведения «Живой труп» и т. п. Смех в наши дни рассматривают с позиции различных наук о человеке, но в нашей работе мы исходим из понимания смеха как всем знакомой психофизиологической реакции человека с участием мимических мышц лица, которая может быть вызвана или некими внутренними психологическими факторами (радость, удовольствие, приятное воспоминание и др.), или внешними факторами (встреча с разными формами смешного). Также доказано, что такая реакция свойственна человеку на протяжении всего его исторического существования как существа разумного и социального. Уже Аристотель в трактате «О частях животных» (фр. 673 а 8) отметил, что человек – единственное живое существо, способное смеяться, и что смех появляется у ребенка не сразу, в отличие от плача, с которым тот рождается, а только не раньше, чем через сорок дней после рождения. И поэтому, как считал Аристотель, только с этого момента ребенок как бы впервые становится человеком. В этом отношении между античным человеком и нашими современниками нет большой разницы, и поэтому мы адекватно воспринимаем все античные смеховые понятия и продолжаем пользоваться ими и в наши дни.

Теперь продолжим разговор определением словесного выражения понятия «смех» в древнегреческом языке, которым является существительное *gélōs, gélotos*. В античное время оно стало частью названия *philógelos* – «филогел», букв. «любитель посмеяться», которое получил сборник из двухсот шестидесяти пяти шуточных историй, написанных, как считается, между III и V вв. н.э., авторство которого приписывают грамматикам Гиероклу и Филаргию [12]. Этот сборник построен по принципу выделения типовых характеров, представленных в античной комедии и в сатирической эпиграмме. Чаще всего здесь представлены типы «студента-недоучки», «умника», шутника, брюзги, глупца, лентяя, труса, голодающего и обжоры. Представлены также карикатурные образы жителей отдельных городов, которых считали имеющими недостаточно высокий интеллектуальный уровень – например, абдеритов, жителей города Абдеры. «Филóгелос» считается древнейшим сборником анекдотов античности. Само

же слово «анекдот» пришло к нам через французский из древнегреческого языка, где слово *to anékdoton* буквально обозначало «не опубликованное», «не изданное». Но первоначально словом «анекдот» в значении «неопубликованное» в византийском лексиконе Суды X века было названо не предназначенное для печати произведение историка VI в. н.э. Прокопия Кесарийского «Тайная история». В 1623 г. это произведение на латинском и греческом языках было опубликовано во Франции. На латыни публикация называлась *historia arcana*, а греческий вариант сохранил название *to anékdoton*. Последнее название попало в «Энциклопедию» Дидро в значении литературного жанра и было заимствовано европейской литературой и филологией. Вот два примера из сборника «Филóгелос» [12, с.57; с.65].

1) Одноглазый врач спросил больного: «Как здоровье?» Тот ответил: «Как видишь». Врач сказал: «Если так, как я вижу, то ты уже наполовину умер».

2) Спали двое лентяев; вор вошел и стащил с них одеяла. Один из них заметил это и сказал другому: «Задержи того, кто украл одеяло!» Другой ответил: «Погоди, вот когда он придет за тюфяком, тогда мы и схватим его»!

А через полторы тысячи лет после написания сборника «Филóгелос» с помощью слова *gélōs* был образован медицинский термин «гелотология» – наука о смехе и его влиянии на здоровье человека, основанная американским психиатром Уильямом Фрайем в 60-е гг. XX в. в Стэнфордском университете США [13]. В настоящее время эта наука широко используется в психологии, психиатрии и неврологии. Определено, что естественный смех успокаивает нервы, расслабляет мышцы, улучшает самочувствие. Исследования показали, что при смехе от мышц лица идут особые импульсы, которые благоприятно влияют на нервную систему и работу мозга, снимая напряжение. Даже когда вам невесело, но вы выдавливаете из себя фальшивую улыбку, вам на душе становится намного легче. Доказано также, что сердитые люди страдают заболеваниями сердца чаще, чем веселые, а вот весельчаки менее подвержены риску возникновения инфаркта. Врачи доказали, что это связано с тем, что смех укрепляет эндотелий – клетки, выстилающие кровеносные сосуды и полости сердца изнутри.

В античности к изучению влияния смеха на здоровье человека обращался не только Гиппократ, постоянно говоривший в своих медицинских трактатах о важности веселого и бодрого настроения врача и больного для борьбы с болезнями. Весьма интересным феноменом следует считать деятельность знаменитого философа Демокрита, получившего в античности название «смеющийся» из-за того, что тот постоянно смеялся над суетностью людских забот. Сохранились письма Гиппократа, в одном из которых излагается история о том, как жители города Абдеры, где жил Демокрит, пригласили Гиппократа излечить Демокрита от болезненного смеха, которым, по их мнению, страдал их соотечественник. Приехав к

Демокриту, посмотрев на его поведение и побеседовав с ним, Гиппократ понял, что смех Демокрита носит философский миросозерцательный характер и является всего-навсего насмешкой над пустыми человеческим страхами и заботами. Поэтому Гиппократ не увидел в поведении Демокрита ничего патологического, согласился с его философией жизни и даже стал его хорошим другом [3, с. 382 – 396]. Следует отметить, что этот же Демокрит был автором основательного трактата о сущности человеческого смеха, который, к сожалению, не сохранился.

Если возвратиться к древнегреческим литературным памятникам, то первыми художественными произведениями, в которых мы встречаем различные виды смеха и некоторые термины, связанные со смеховым искусством, – это поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Именно здесь мы впервые находим различные проявления смеха и у людей, и у олимпийских богов, которые, наравне со смертными, являются персонажами обеих поэм и играют существенную роль в их сюжете. Эти проявления смеха осуществляются через упомянутое выше существительное *gélōs*, *gélotos* и производный от него глагол *geláo* «смеяться». При этом указанное существительное и глагол могут выражать довольно широкий спектр смеховых ощущений и проявлений персонажей – от легкой или смущенной улыбки до снисходительной, язвительной или злобной ухмылки, от доброжелательного смеха до смеха насмешливого, язвительного, саркастического и даже безумного, от искреннего доброжелательного смеха до улыбки сквозь слезы. В интернациональную, в том числе и русскую фразеологию вошло гомеровское выражение «гомерический хохот», *ásbestos gélos*, т.е. «негасимый, неукротимый смех». Вот, в частности, цитата из XXIII главы повести Льва Николаевича Толстого «Отрочество»: «Глаза наши встречаются, и мы заливаемся таким гомерическим хохотом, что у нас на глазах слезы, и мы не в состоянии удержать порывов смеха, который душит нас». Источник выражения «гомерический хохот» – рассказ певца Демодока в восьмой книге «Одиссеи» о том, как муж Афродиты Гефест поймал в невидимые сети свою жену на прелюбодеянии с богом войны Аресом и позвал посмотреть на это зрелище олимпийских богов-мужчин, которые при его виде разразились гомерическим хохотом.

Но, кроме богов, нередко дружно хохочут и смертные персонажи гомеровских поэм. Так, в XXIII книге «Илиады» на состязаниях в беге, посвященных погребению Патрокла, лучший ахейский бегун Аякс наступил на влажный коровий помет, поскользнулся и упал, после чего его ноздри и рот наполнились отходами коровьего питания. Отплевываясь, Аякс жалуется на козни Афины, которая устроила ему такую пакость, чтобы помочь его сопернику Одиссею. При виде всего этого, как говорит Гомер, «весело все засмеялись ахейцы» (Ил., XXIII, 784).

А сейчас о втором виде смеха, название которого, *risus sardonicus*, впервые встречается в поэме «Одиссея» (Од., XX, 285-286) в эпизоде, когда Ктесипп, один из женихов Пенелопы, швыряет в Одиссея зажатой коровьей ногой вроде бы как в форме подачи с барского стола. На это, уклонившись от летящего на него «подарка», Одиссей сардонически ухмыляется (в древнегреческом оригинале «Одиссей улыбнулся в душе «весьма сарданским (смехом)»). Прилагательное *sardánios* (сарданский) здесь может значить «язвительный», «презрительный», но, согласно словарю древнегреческого языка, также может быть истолковано как *Sardónios*, т.е. «сардинский или сардонический» [6, т. 2, с. 1463]. Вероятная этимология выражения «сардонический смех» приводится у греческого историка и географа II в. н.э. Павсания при описании природы острова Сардиния: согласно Павсанию, на этом острове произрастает растение, схожее с сельдереем, «вкушая которое, людей охватывают конвульсии, и они смеются против воли, и затем умирают, смеясь». Таким образом, скрытый злоедейский смех Одиссея как бы предвещает гибельную расплату за нанесенное ему оскорбление. Филолог и философ А. Ф. Лосев в своей монографии «Античная мифология в ее историческом развитии» приводит все случаи употребления сардонического смеха в античной литературе, в том числе и сведения Павсания [7, с. 136-139]. Он же приводит и эпизод из диалога Платона «Государство», где участник диалога Фрасимах, явно обозленный стилем поведения Сократа не отвечает самому прямо, а придирается к чужим доводам и их опровергает, «усмехнулся весьма сардонически и сказал Сократу: «Ты не пожелаешь отвечать, а прикинешься простачком и станешь делать все, что угодно, только бы увернуться от ответа». Выражение «сардонический смех» или «сардоническая улыбка» и в настоящее время применяется как синоним жестокого, злорадного смеха, предвосхищающего неприятность для врага того, кто смеется.

Особое значение выражение термин «сардонический смех» (*risus sardonicus*; синонимы: сардоническая гримаса, сардоническая улыбка) имеет в современной медицине. Это название стойкой гримасы, которая наблюдается при столбняке и обусловлена судорожным сокращением мимических мышц.

В поэмах Гомера можно найти и примеры т.н. саркастического смеха, или, вернее, саркастической улыбки, сопровождающей речь персонажа. Термин «саркастический» образован от греческого прилагательного *sarkastikós*, букв. «вызванный сарказмом». Слово же «сарказм» – от греческого существительного *sarkasmós*, производного от глагола *sarkázo*, буквально «разрываю мясо» [6, т. 2, с. 1463]. Саркастическая улыбка или насмешка – язвительная насмешка, при которой, как первоначально представлялось, говорящий, словно в каком-то злорадном исступлении, терзает в гневе свои губы. В качестве примера несколько смягченного

варианта саркастического смеха можно привести эпизод из 16-й песни «Илиады», в котором Патрокл, сразив насмерть возницу Гектора Кебриона, наиграно и язвительно восхищается ловкостью, с которой тот, будто по своему желанию, мертвым нырнул в песок, словно рыба в море:

Боги, как ловок сей муж! Как легко он кувыркнулся наземь!
Если б он то же проделал среди многорыбного моря,
Устриц ища, то наверно доставил бы лакомство многим,
Прыгая так же легко с корабля даже в бурные воды,
Как вот теперь с колесницы нырнул он в песок среди поля.
Знать, и в народе троянском искусные есть водолазы! (Ил., XVI, 745-750)

Саркастический смех во многом похож на язвительную иронию, которая, наряду с другими видами иронии, по мнению исследователей Гомера А. Ф. Лосева и Н. Л. Сахарного, широко представлена в поэмах «Илиада» и «Одиссея» [5, с. 207, 311, 317; 7, с. 295 – 306]. Но самого термина «ирония» в поэмах Гомера мы еще не встречаем. Здесь имеет место случай, когда при анализе античного произведения мы привычно пользуемся термином, который получил современное терминологическое и смысловое определение намного позже явления, описанного в античном художественном тексте. Иронией в наши дни считается словесная фигура речи, в которой высказывается утверждение таким образом, что по существу уменьшается и нивелируется его основной смысл. А само слово «ирония» восходит к греческому существительному *eironeía* – притворство [6, т. 1, с. 468]. Понятие иронии принято выводить из сократических диалогов Платона, в которых Сократ, используя притворство, обычно задает собеседнику вопрос, в котором таится подвох и разоблачение точки зрения собеседника. На основе диалогов Платона ирония описывается в «Риторике» и «Никомаховой этике» Аристотеля, причем в рассуждениях Аристотеля ирония уже последовательно ассоциируется с притворством говорящего. Современное определение иронии как способа сказать одно, имея в виду нечто противоположное (*contrarium ei quod dicitur intelligendum est*), традиционно приписывают древнеримскому теоретику ораторского искусства I в. н.э. Марку Фабию Квинтилиану. В своих рассуждениях об иронии он опирался на труды Платона и Аристотеля. Квинтилиан уже различал иронию как риторическую фигуру (локальную иронию) и иронию как свойство речи или способа мировоззрения отдельной личности. Предложенная Квинтилианом дефиниция и дифференциация иронии не только как риторического инструмента, но и умонастроения говорящего прошла проверку временем и сегодня именно она считается классической [14].

А сейчас попытаемся найти примеры иронии в тексте гомеровских поэм. Так, в XVIII книге «Одиссеи» Одиссей, обращаясь к женихам,

заставляющим его, по виду дряхлого старика, вступить в драку с явно более молодым и более сильным Иром, притворно взывает к их разумному и справедливому решению отменить эту драку:

Как же возможно, друзья, чтоб вступил с молодым в состязанье
Слабый старик, изнуренный нуждою! (Од., XVIII, 53-54)

А вот явно злая и насмешливая ирония Одиссея над побитым им Иром. Победитель приволок обездвиженного Ира к воротам усадьбы и усадил его там в роли пугала с палкой руке со словами: «Здесь сиди и собак и свиней отгоняй» (Од., XVIII, 106).

Естественно, что примеры самых разнообразных видов иронии можно найти и более поздних памятниках древнегреческой литературы. Например, у поэта III в. до н.э. Феокрита в 4-й буколке Батт, явно «подкалывая» знакомого пастуха Коридона, говорит, что ему жалко коров Эгона, которых пасет Коридон [10, с. 25]: «Бедные, жалко мне их, ведь пастух-то их больно неважен». Но добродушный Коридон даже не замечает иронии Батта и отвечает: «Правда, уж так-то печальны, что мимо травы уже смотрят».

Или вот в десятой идиллии в ответ на признание жнеца Милона, что он влюбился в флейтистку Бомбику, его напарник с язвительной иронией отвечает [10, с. 53]:

Бог наказал дурака! Вот нашел-то, так долго искавши!
Будет об тело тебе саранча эта ночью тереться.

Говоря об иронии в поэмах Гомера, нельзя не сказать о еще одной категории смехового искусства, проявления которой часто встречаются в этих поэмах – о юморе. Сегодня под юмором в словесном творчестве понимают, во-первых, особую фигуру речи, передающую различные оттенки смешного. Но второе определение юмора касается мировоззрения человека и конкретно – его интеллектуальной способности подмечать в явлениях их смешные стороны и соответствующим образом реагировать на них. При этом в случае с термином «юмор» мы имеем ситуацию, сходную с термином «ирония», когда теоретическое осознание сути языкового явления на столетия отстало от его фактического присутствия в словесном искусстве. Мало того, становление понятия «юмор» как литературного и философско-эстетического термина, пришло в современную науку намного позже, чем термин «ирония» [2, с. 165 – 181]. Отметим основные вехи этого процесса.

Прежде всего, следует отметить, что слово «юмор» имеет латинские языковые истоки. Латинское существительное *umor* или *humor* означало «влага», «влажность» или «жидкость». Но превращение гумора-жидкости в слово «юмор» началось с того, что в средние века под влиянием учения античного медика Галена слово *humor* в значении «жидкость» стали

употреблять для передачи тогдашних представлений о «жидкостях тела», будто бы обуславливающих характер и поведение человека. Эти жидкости, или гүморы, начали связывать с различными видами темперамента человека – холерическим, сангвиническим, меланхолическим и флегматическим, формирующимися в организме человека под влиянием преобладания одной из указанных жидкостей. В связи с этим и слово *humor* стало истолковываться как «поведение», «нрав», «характер». Новый этап в смысловом движении слова *humor* наступает в XVIII в. В 1709 г. английский философ и моралист Энтони Шефтсбери публикует книгу «Опыт свободного выражения остроумия и юмора», в которой юмор настойчиво связывается с особым рода «веселым настроением, вызывающим «шутку», «усмешку». Попытку закрепления такой новой интерпретации понятия *humour* сделал Иоганн Рихтер, известный под псевдонимом Жан Поль. Свои взгляды он изложил в «Подготовительной школе эстетики», опубликованной в 1804 г. Рихтеру удалось наметить новые черты представления о юморе как о неразрывной смысловой и психологической связи с усмешкой и с доброжелательной иронией говорящего. Таким был непростой путь от учения о гуморальной основе темперамента и настроения человека до оформления понятия «юмор» как особого рода веселого настроения, вызывающего «усмешку» в реальной жизни и в литературе, отражающей это особое настроение. Теперь попытаемся найти примеры юмора в гомеровских поэмах.

Прежде всего, следует сказать о том общем чувстве юмора, с которым Гомер изображает бессмертных олимпийцев как существ, которым присущи все мелкие страстишки смертных: зависть, надменность, лукавство, обманность и прочее. Так, в 14 книге «Илиады» поэт посвящает несколько сот стихов тому, как Гера готовится обмануть своего супруга Зевса, чтобы скрыть от него свою помощь ахейцам. Для этого она всячески прихорашивается и просит у Афродиты ее пояс, навевающий непреодолимые любовные желания, а затем собирается, как сказано в поэме,

Зевсу на Иду явиться, убранством себя изукрасив:
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий
Может быть, сон прольет на зеницы его и на разум. (Ил., XIV, 162-165)

Образцом гомеровского юмора считается уже упомянутая нами сцена из восьмой книги «Одиссеи», в которой певец Демодок красочно рисует картину измены Афродиты с Аресом и страдания ее мужа Гефеста. Таким же юмором окрашены сцены из девятой книги «Одиссеи», где ослепленный Одиссеем киклоп Полифем тщетно взывает к своим соплеменникам о помощи, поскольку говоря, что его обижает «Никто», он выставляет себя в их глазах в глупом свете, после чего Одиссей радостно замечает:

Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.(Од., IX, 413-414)

Сплошь юмористичная и пространная история драки Одиссея с нищим Иром в 18-й книге «Одиссеи» (Од., XVIII, 4–109). Настоящее имя Ира – Арней, но поскольку этот Арней состоит на побегушках у женихов, то они прозвали его Иром, иронически намекая на имя Ириды, вестницы Зевса. Ира, труса и слабака, женихи насильно тащат в им же затеянную драку, и при виде этой трагикомической сцены «все женихи помирали со смеху» (Од., XVIII, 99-100).

И таких юмористических сцен с самыми различными оттенками юмора – от безобидно-доброжелательного до язвительного – в поэмах Гомера, и особенно в «Одиссее», великое множество.

Говоря о разновидностях смешного содержания в древнегреческом словесном искусстве, впору сказать о жанре литературы, полностью посвященном веселить зрителей – о комедии. Сегодня напомним, что сам термин «комедия» восходит к греческим словам *kōmos* «веселое шествие» и *odé* «песня». С появлением жанра комедии в V в. до н.э. в греческий лексикон входят такие слова-термины, как *komodía* (комедия), *komodikós* (комедийный), *komikós* (комический, комедийный), *ó komikós* (комический актер – комик), которые вошли в общеевропейский лексикон.

Видом комического сценического искусства в Древней Греции классического периода была сатирическая драма, персонажами которой были сатиры (гр. *sátyroi*) – полулюди-полукозлы из свиты бога Диониса, а также некоторые известные герои мифов, например, Геракл, изображаемые в комическом виде. Эту драму ставили в качестве утешительного представления после трагической трилогии. Сохранилась полностью только одна сатирическая драма – «Киклоп» Еврипида, основным комическим персонажем которой выступает известный нам по 9-й книге «Одиссеи» киклоп Полифем.

И, наконец, разновидностью комедийного искусства считается пародия. Это название (греч. *parodía* – комическая переделка, пародия) было известно еще в античной Греции [6, т. 2, с. 1267]. Первым ярким примером пародии того времени была анонимная комическая переделка «Илиады» Гомера под названием «Батрахомиомахия» («Война лягушек и мышей»), составленная гекзаметром, в которой мыши и лягушки выступают в облике героев троянской войны и говорят языком героического эпоса. Много пародийных сцен, изображающих олимпийских богов, можно найти у Лукиана, писателя-сатирика 2-го века н. э. В наше время слово «пародия» имеет широкое бытовое хождение, и его можно встретить в любых и самых неожиданных сферах жизни, например, «Это не медицина, а пародия на медицину!». А еще в советское время возникла профессия «поэт-пародист».

В частности, в 70-80 годы XX в. на советской эстраде был очень популярен пародист Александр Иванов. Предлагаю ознакомиться с двумя его пародиями [15]. Думается, что текст этих пародий в конце данной статьи поможет ее читателям надолго сохранить веселое настроение

1. «Лесная буза». По мотивам книги стихов Юнны МОРИЦ «Лоза».

Был козлик тощий и худой,
И жил он у старухи нищей,
Он ждал соития с едой,
Как ангел – с вифлеемской пищей.
Козла трагичен гороскоп,
Раскручена спираль сиротства.
Жил волк, бездушный мизантроп
Злодей, лишённый благородства
По челюстям сочилась брань
Картёжника и фанфарона.
Он ждал! Была его гортань
Суха, как пятка фараона.
Он съел козла! Проклятье злу
И тем, кто, плоти возжелая,
Отточит зубы, как пилу,
Забыв о том, что плоть – живая!
Старуха плачет по козлу,
Красивая и пожилая.
А волк, забыв о Льве Толстом,
Сопит и курит «Филип Моррис»,
Под можжевельным кустом,
Лежит, читая Юнну Мориц,
И вертит сумрачным хвостом.

2. «ВЫСОКИЙ ЗВОН». По мотивам поэтических строк Валентина Сидорова «Косматый **облак**(!?) надо мной кочует,/ И ввысь уходят светлые стволы».

В худой котомк поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда, где птичья звон,
И вижу над собою синий небо,
Косматый облак и высокий крон.
Я дома здесь. Я здесь пришёл не в гости.
Снимаю кепк, одетый набекрень.
Весёлый птичк, помахивая хвостик,
Высвистывает мой стихотворень.
Зелёный травк ложится под ногами,
И сам к бумаге тянется рука.
И я шепчу дрожащими губами:
«Велик могучий русский языка!»
Но, выползя на миг из тины зыбкой,
Болотная зеленовая тварь
Вручает мне с заботливой улыбкой
Большой Орфографический словарь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апулей. Метаморфозы // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. – М.: Изд-во АН СССР. – 1960. – 434 с.
2. Буданов Р.А. Человек и его настроения (юмор, ирония) // Р.А.Буданов. История слов в истории общества. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Добросвет, 2004. – 256 с.
3. Гиппократ. Письма и речи // Гиппократ. Афоризмы/ Гиппократ. – М.: Эксмо, 2008. – 400 с.
4. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича; Примеч. М. Томашевской; Художник Д. Бисти. – М.: Худож. лит., 1986. – 384 с.
5. Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского; Примеч. М. Томашевской; Художник Д. Бисти. – М.: Худож. лит., 1986. – 270 с.
6. Древнегреческо-русский словарь.. / Сост. И. Х. Дворецкий. – Т. I – II. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. – Т. I – 1043 с.; Т. II – 1904 с.
7. Лосев А.Ф. Гомер. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-тво министерства просвещения РСФСР, 1960. – 350 с.
8. Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.
9. Сахарный Н.Л. Гомеровский эпос. – М.: Худож. лит-ра., 1976. – 397 с.
10. Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы. Перевод и комментарий М.Е.Грабарь-Пассек. М.: Из-во Академии наук СССР, 1958. – 326 с.
11. Шахнович М. И. Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. — Л.: Лениздат, 1984. — 190 с.
12. Philogelos oder der Lach-Fan von Hierokles und Philargios – Herausgegeben und übersetzt von Gerhard Löwe; illustriert von Wolfgang Würzel. – Dresden: Koeler und Amelang, 1981. – 98 S.
13. rw.wikipedia.org/wiki/Смехотерапия
14. <https://uchebnikfree.com.antichnaja-ironija-66732>
15. <https://dzen.ru.aleksandr-ivanov-parodist-slushat>

НАШИ АВТОРЫ

1. **Бубнова Анастасия Александровна**, магистрант кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.

2. **Гарник Антонина Васильевна**, профессор кафедры классической филологии Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

3. **Капитула Людмила Семеновна**, доцент кафедры латинского языка Белорусского государственного медицинского университета, кандидат филологических наук, доцент.

4. **Кириченко Арина Владимировна**, заведующий кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

5. **Круглик Наталья Анатольевна**, заведующий кафедрой латинского языка Белорусского государственного медицинского университета, кандидат педагогических наук, доцент.

6. **Литинская Евгения Петровна**, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

7. **Машакова Екатерина Олеговна**, магистрант кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета

8. **Минкевич Дмитрий Геннадьевич**, старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

9. **Мокрицкая Татьяна Петровна**, старший преподаватель кафедры латинского языка Белорусского государственного медицинского университета.

10. **Мушнина Людмила Николаевна**, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук, доцент.

11. **Протасевич Наталья Викторовна**, старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

12. **Ромашкевичус Светлана Константиновна**, старший преподаватель кафедры латинского языка Белорусского государственного медицинского университета

13. **Сединина-Барковская Юлия Анатольевна**, старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

14. **Скоропадская Анна Александровна**, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

15. **Стриго Екатерина Викторовна**, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

16. **Цисык Андрей Зиновьевич**, доцент кафедры латинского языка Белорусского государственного медицинского университета, кандидат филологических наук, доцент.